

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**ТОЛЬКО
ЗА НАЛИЧНЫЕ**

Мое время было на исходе...
И у меня было два выхода: я мог либо сдаться,
либо опередить свою судьбу
и соскользнуть с уступа в пустоту.

Дж. Х. Чейз

Джеймс Хэдли Чейз

Только за наличные

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63864023

Дж. Х. Чейз. Только за наличные: ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-389-19122-8

Аннотация

Роман «Только за наличные» (выходил также под названием «Капкан для Джонни») – одно из самых известных произведений Чейза, классика жанра, из тех, что снискали ему славу непревзойденного мастера лихо закрученного сюжета.

Содержание

Часть первая. Обман	5
1	5
2	12
3	22
4	32
5	41
6	54
7	65
Часть вторая. Завеса тумана	77
1	77
2	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Джеймс Хэдли Чейз

Только за наличные

James Hadley Chase

Strictly for Cash

© Hervey Raymond, 1951

© М. В. Тарасов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая. Обман

1

Из Керн-Сити мы добирались до Пелотты четыре часа и приехали туда около половины десятого вечера. Этот небольшой городок с магазинами, сувенирными киосками, кафе и заправочными станциями был похож на любой другой на побережье Флориды.

Когда мы проезжали на грузовике по главной улице, водитель по имени Сэм Уильямс принялся показывать местные достопримечательности.

– Это отель «Океан», – ткнул он пальцем в направлении безвкусного скопления хрома, неоновых огней и бутылочно-зеленых тентов на перекрестке, от которого можно было проехать к морю. – Петелли владеет там каждым кирпичиком. Если уж на то пошло, и весь город его. Вместе вон с тем стадионом на холме.

Сквозь лобовое стекло грузовика над городом виднелось круглое бетонное здание, открытое в центре и с крышей над трибунами. На мачтах застыли соцветия прожекторов, направленных на арену.

– Парень, похоже, загребает там кучу деньжищ, – продолжил Уильямс. Вытерев красное мясистое лицо тыльной сто-

роной ладони, он сплюнул в окно. – По субботам Петелли устраивает на стадионе боксерские поединки.

Свернув направо, подальше от ярких огней главной улицы, Уильямс поехал по узкой дороге, вдоль которой с обеих сторон тянулись деревянные домики. В конце дороги виднелся океан, блестящий в лунном свете, как лист фольги.

– Заведение Тома Роша найдешь за углом, на набережной, – сказал Уильямс, притормаживая. – Я тут немного опаздываю, а то пошел бы с тобой. Скажешь ему, что тебя прислал я. Он поможет с попуткой до Майами. А если сам хозяин будет не в духе, поговори с его женой Элис – она хорошая девочка.

Он остановился у тускло освещенной набережной. Я открыл дверь и вылез из кабины.

– Спасибо, что подвез, – поблагодарил я. – Может, еще встретимся.

– Хорошо, если так. Пока, приятель, удачи.

Я отступил в сторону, наблюдая, как грузовик выруливает на набережную, а затем пошел к кафе Тома Роша.

Двухэтажное здание кафе, выстроенное из принесенных морем бревен, было покрашено в белый цвет. Двустворчатая дверь открывалась в обе стороны, но сейчас она была распахнута, и вечерний воздух наполняла мелодия, льющаяся из музыкального автомата.

Поднявшись на три деревянные ступеньки, я заглянул внутрь: просторный зал со множеством столиков, барная

стойка с шестью высокими деревянными табуретами, на стойке – три кофейника, над которыми поднимался пар. Под потолком электрический вентилятор взбивал нагретый воздух.

Двое мужчин в майках и грязных парусиновых брюках сидели за столом у входа. Возле музыкального автомата справа от стойки, за другим столом, расположился крупный мужчина крепкого телосложения, одетый в белый летний костюм с желто-красным расписным галстуком. Напротив него толстый коротышка в коричневом костюме и панаме безразлично смотрел в пустоту. Какой-то водитель в кожаной куртке и бриджах, подперев голову руками, устроился на табурете у стойки. За прилавком стройная молодая женщина с бледным лицом – как я догадался, Элис Рош – ставила на поднос две чашки кофе. В дальнем конце прилавка начищал до блеска кофейник Том Рош, смуглый худощавый человек с твердо очерченным ртом, скривленным в горькой усмешке, и копной жестких черных волос.

Несколько секунд я стоял, никем не замеченный в темноте, наблюдая.

Женщина отнесла поднос с кофе верзиле и его спутнику-толстяку. Когда она ставила чашки на стол, верзила, ухмыляясь, схватил ее за ногу чуть ниже колена.

Она застыла, едва не уронив чашку, затем попыталась отступить, но толстые пальцы не ослабили хватку. Нахал ухмыльнулся. Я ожидал, что женщина даст ему пощечину или

закричит, но она не сделала ни того ни другого. Вместо этого она поспешно бросила взгляд через плечо на Тома Роша, всецело поглощенного чисткой кофейника. По выражению ее лица было понятно, что она боится возможного конфликта с последующей дракой, выйти из которой победителем Рош не смог бы, и я внезапно почувствовал, как у меня похолодело в груди. Однако я даже не шелохнулся. Можно было бы войти и пнуть верзилу, но это задело бы гордость Тома Роша. Кому понравится, когда жену в его присутствии защищает кто-то посторонний.

Она наклонилась, пытаясь оторвать пальцы обидчика от своей ноги, но ей не хватало сил.

Спутник верзилы, толстяк в коричневом костюме, похлопал товарища по руке и что-то шепнул ему, кивнув на Роша, который стоял к ним спиной, любясь блеском кофейника. Верзила оттолкнул толстяка свободной рукой. Толчок был такой силы, что тот охнул.

Рука верзилы скользнула выше колена, и женщина в каком-то отчаянном исступлении ударила здоровяка кулаком в переносицу.

Тот грязно выругался. Рош взглянул в их сторону. Его лицо стало бледным как полотно. Он боком неуклюже выбрался из-за стойки. Несмотря на ортопедический ботинок, который наращивал его короткую ногу, Рош все равно хромал, будто проваливаясь каждый раз, когда на нее наступал.

Верзила отпустил женщину и оттолкнул ее в сторону с та-

кой силой, что та, пролетев через всю залу, упала в объятия дальнобойщика, который слез с табурета и стоял с разинутым ртом, не выказывая ни малейшего желания помочь.

Рош приблизился к столу. Здоровяк, ухмыляясь, даже не удосужился встать. Правый кулак Роша взлетел вверх по направлению к голове верзилы. Тот увернулся, и удар пришелся в пустоту. Рош потерял равновесие, подался вперед и, получив ответный удар в живот, отлетел к стойке. Стукнувшись об нее, он, задыхаясь, соскользнул на пол.

Верзила встал из-за стола.

– Валим отсюда, меня тошнит от этой дыры, – бросил он толстяку, направляясь к стойке, где Рош пытался подняться на ноги. – Еще раз замахнешься на меня, крысеныш, и я тебя раздавлю, – процедил он сквозь зубы и уже отвел назад ногу, собираясь пнуть Роша.

В три прыжка я одолел расстояние до стойки и оттолкнул верзилу от Роша. Потом нанес ему в лицо такой удар, что его звук мог сравниться с выстрелом револьвера 22-го калибра с близкого расстояния. От боли из глаз верзилы брызнули слезы.

– Хочешь кого-то пнуть, – сказал я, – так пни меня. Я более подходящая мишень.

Если бы тот не обезумел от ярости, он ни за что не стал бы бить меня именно так. Это был размашистый свинг, включавший толчок ногой и разворот корпуса. Удар, который мог бы причинить ущерб лишь тому, кто не знаком с азами на-

стоящей драки. Удар, который мог бы расплющить слона, если бы достиг цели. Но он ее не достиг.

Уклонившись, я применил свой фирменный правый хук в челюсть. Вложил в него весь свой вес. Верзила повалился как подкошенный. Я не стал дожидаться, когда он встанет. Знал, что встанет он не скоро. Когда падают так, как он, это надолго.

Отступив назад, я бросил взгляд на толстяка:

– Убери отсюда этот кусок дерьма, пока я не отделал его по-настоящему.

Толстяк смотрел на верзилу, растянувшегося на полу, будто не мог поверить своим глазам. Затем он опустился рядом со здоровяком на колени, а я подошел к Рошу и помог ему встать. Тот с трудом переводил дыхание, но мог стоять, и в нем еще оставался бойцовский дух. Он сделал шаг в сторону верзилы, словно хотел продолжить схватку, но я удержал его:

– Хватит с него. Успокойтесь.

Элис подошла и обняла Роша. Я оставил его на попечение жены и подошел к двум мужчинам в майках и дальнобойщику, которые таращились на поверженного верзилу.

Толстяк без особого успеха пытался привести его в чувство.

– Да ты ему челюсть сломал, – возбужденно выдохнул дальнобойщик. – Вот это удар! Дюйм замаха – и бац! Понятное дело, этот бездельник сам напросился.

– Надо его отсюда убрать, – сказал я. – Давайте, парни,

поднимем его и выведем наружу.

Толстяк вскинул на меня глаза. Его глаза блестели, и по выражению лица можно было предположить, что он вот-вот разревется.

– Вы сломали челюсть моему мальчику, – проскулил он, – а ему в субботу выступать.

– Мне следовало сломать ему шею, – заметил я. – Убирайте его отсюда, пока я не передумал и не довел дело до конца.

Здоровяк открыл глаза, застонал и сел. Челюсть у него отвисла, и уродливое красное пятно проступило на правой щеке там, где я его ударил.

Двое парней в майках подняли его на ноги и, поддерживая, вывели из кафе. Он вышел с ними, не глядя на меня, опустив голову на грудь; глаза его остекленели, а ноги подгибались, словно резиновые.

Толстяк плелся за ними с таким видом, словно шел за катафалком, в котором был гроб его матери.

Дальнобойщик повернулся и уставился на меня, будто я был херувимом, спустившимся с неба на огненном облаке.

– Прямо с ума сойти! – воскликнул он. – Ты знаешь, кто это был? Тот парень, которого ты отметелил? Это Джо Маккриди, местный чемпион. В субботу ему драться с Майами-Кидом, куча денег на кону. Прими совет, брат, вали из города. Когда Петелли узнает, что ты сделал с Маккриди, у него крышу снесет. Я не шучу. Петелли опаснее гремучей змеи. Ноги в руки и вали отсюда!

Я присел на стул и потянулся за сигаретой, но Рош меня опередил и предложил свои. Этим вечером я ни в чем не ведал отказа и едва смог выйти из-за стола после лучшего ужина в моей жизни. Рош и его жена Элис составили мне компанию. Они мне нравились, поскольку относились к тому сорту людей, с которыми я умею ладить, и мы перешли на «ты» прежде, чем я закончил ужинать.

Большую часть времени, пока я ел, говорили они, и теперь я понял, что настал мой черед.

– Наверно, вам интересно, что я здесь делаю, – начал я, когда Рош дал мне прикурить. – Так вот, я из Питсбурга. Мой старик владел кафе напротив сталелитейного завода Карнеги. Думаете, кафе, расположенное у ворот крупнейшего в мире металлургического завода, приносило хорошие деньги, да? Куда там. Не спрашивайте почему. Мне и самому-то некогда было в этом разобраться. Когда он умер, все пошло прахом. И это не так уж плохо, иначе я все еще был бы там. Так вот, мне пришлось распродать все добро, чтобы погасить долги, и я остался без дома. Тогда-то я и решил взглянуть на Флориду. И знаете, я рад, что так все сложилось!

Рош почесал подбородок и прищурился:

– А что такого особенного во Флориде?

– Ты когда-нибудь был в Питсбурге? Сажа, грязь, шум и

смог – вот что такое Питсбург. Сравни с Флоридой, и поймешь, что в ней особенного.

– Может, ты и прав. Но меня порой от нее тошнит: я тут всю жизнь прожил.

– Брат, ты просто не представляешь, как тебе повезло! Я провел три лучшие недели в жизни, добираясь сюда на грузовиках. Этот край просто потрясающий. – Я наклонился вперед. – Кстати, парень, который меня сюда подвез, его зовут Уильямс. И он посоветовал мне зайти к вам. Знаешь его?

– Да, много лет.

– Он говорил, ты поможешь с попуткой до Майами. Так как?

– Проще простого. Джош Бейтс постоянно катается туда. А я забираю для него почту. Он приедет завтра утром, и я с ним договорюсь. Так ты собрался в Майами?

– В самую точку.

– Эй, Элис, – позвал жену Рош, – принеси-ка еще пива! Разве не видишь, наш гость умирает от жажды. – Пока Элис ходила на кухню, он продолжил: – Это был лучший хук из всех, что я видел, если не считать удары Демпси¹. Ты боксер? Наверняка. То, как ты ушел от удара, и твоя...

– Я занимался боксом, но теперь с этим покончено. Вокруг него развелось чересчур много жуликов.

Он оглядел меня:

¹ Уильям Харрисон Демпси (1895–1983) – американский боксер, киноактер, чемпион мира в супертяжелом весе.

– С таким телом и таким хуком ты бы мог прославиться. С кем ты дрался на ринге?

– Провел три раунда с Джо Луисом², когда у того закончились спарринг-партнеры во время армейского показательного турне. Неплохой парень этот Джо. Он сказал, что я хорошо работаю правой.

– Джо так сказал?

Похоже, эти слова произвели на Роша впечатление.

– Но мой лучший бой выдался, когда я замещал Эйба Лински. Я отправил Джека Вайнера в нокаут во втором раунде.

Рош уставился на меня:

– Того самого Джека Вайнера? Чемпиона Калифорнии?

– Того самого. Тогда он не был чемпионом, но был еще тот забияка. Мне посчастливилось добраться до его челюсти. По-моему, он был слишком самоуверен.

– Ничего себе! – воскликнул Рош. – Просто невероятно. Но что именно заставило тебя завязать?

– Думаю, мне хотелось сохранить ту форму лица, какая у меня теперь, а кроме того, у меня были и другие планы.

– Похоже, ты закапываешь свой талант в землю, – произнес Рош, качая головой. – Если ты справился с Вайнером...

– Тот дальнбойщик посоветовал мне убираться из города. Говорит, Петелли захочет поквитаться со мной из-за Маккриди.

² Джозеф Луис Бэрроу (1914–1981) – американский боксер, чемпион мира в супертяжелом весе.

– Тебе не стоит беспокоиться из-за Петелли. Солли Брэнт расскажет ему, что произошло. А кроме того, Петелли поддерживает Майами-Кида. Если бы ты покалечил его, тебе пришлось бы поскорей сматывать удочки, а до Маккриди Петелли дела нет.

– Солли Брэнт – это толстяк, который был с Маккриди?

– Точно так. Он хозяин Маккриди, но, могу поспорить, жалеет об этом. Он неплохой парень, но что можно сделать с таким бездельником, как Маккриди?

Элис вернулась с двумя кружками пива.

Рош стал настаивать, чтобы я остался у него на ночь, и мне такое предложение пришлось по душе. Последние три недели я спал где попало, и мысль провести ночь в постели была соблазнительной.

Мы еще немного поболтали, и я встал из-за стола:

– Если ты не против, я бы уже отправился на боковую. Восемь часов на грузовиках, так что засыпаю прямо на ходу.

– Иди. Элис покажет комнату. – Рош тоже встал из-за стола и протянул мне руку. – Еще раз спасибо за все, что ты сделал.

– Да все нормально, – ответил я, и мы пожали друг другу руки. – Спасибо за ужин. Было вкусно.

Элис отвела меня наверх, в маленькую комнату с видом на набережную.

– Если тебе что-то нужно...

– У меня все есть. Постель выглядит отлично.

- Если хочешь, ванная рядом. Соседняя дверь.
- Спасибо. Знаешь, вы очень гостеприимны.
- Джонни, мы благодарны тебе за помощь. Этот негодяй мог здорово покалечить Тома. Он не особо сильный.
- Но он смелый. Ты, наверное, гордишься им.
- Еще как. – Она коснулась моей руки, и ее глаза заблестели. – И он всегда так добр ко мне, хотя и у него случались тяжелые времена. Но если бы ты не появился, когда...
- Оставь. Я рад, что оказался поблизости.
- Я просто хочу, чтобы ты знал: ты был великолепен, – сказала она и ушла, оставив меня немного взволнованным и растерянным.

Я принял ванну, пролежав в горячей воде около получаса. Было слышно, как хозяйева разговаривают внизу. Когда я уже забрался в постель, наверх поднялся Рош и заглянул в комнату.

– Все в порядке? – спросил он, встав у изножья кровати и не сводя с меня глаз.

Я улыбнулся в ответ:

– Абсолютно.

Он переступил с ноги на ногу и потер кончик носа, продолжая смотреть на меня серьезным взглядом.

– Хочешь что-то сказать? – спросил я.

– Хочу. Мы с Элис говорили о тебе. И у меня есть предложение. Как насчет того, чтобы стать нашим партнером? Дела у нас идут неплохо, но могли бы и лучше. С твоей помо-

щью мы сумеем расширить дело. Гору денег не предлагаю, но, если предложение заинтересует тебя, могу показать пригодно-расходную книгу. Да, и я говорю не о работе. Я предлагаю долю в бизнесе. На жизнь хватило бы. Что скажешь? Ты нужен нам с Элис.

Я уставился на него, не веря своим ушам.

– Ты сошел с ума! – воскликнул я, садясь на кровати. – Да вы же обо мне ничего не знаете! Нельзя же предлагать треть своего бизнеса только потому, что я кому-то заехал в челюсть. Да что, ёлы-палы, происходит?

Рош присел на край кровати:

– Джонни, нам нужна помощь. Нам нужен такой парень, как ты. Тебе известно, как работает кафе, – это во-первых. И потом, ты рослый и умеешь драться, а я не умею. У нас тут есть несколько крутых парней, и я ничего не могу с ними поделать. Кроме того, ты нам нравишься. Мы считаем, ты стоишь каждого цента, что получишь с нашего бизнеса.

Возможно, он был прав, но эта работа не привлекала меня. Не хотелось ранить его чувства, но я должен был сказать ему об этом.

– Слушай, Том, давай начистоту, – начал я. – Не подумай, что я не оценил твое предложение, но принять его не могу. Постарайся понять меня. Я был на мели слишком долго. И всю жизнь мечтал о деньгах. Мне нужна не пара жалких долларов – они водились и у моего старика и завели его в никуда, – а целая куча, очень много денег. Может, потому,

что мой старик держал меня в черном теле, когда я был ребенком. Единственное, на что он тратился, – это моя еда. На одежду, фильмы, конфеты и все остальное, что другие дети получали даром, я должен был зарабатывать, и мне нелегко это давалось. Я работал после школы посыльным, разносчиком газет, мойщиком окон. И у меня никогда не оставалось времени просто поиграть. Мой старик считал, что так я научусь ценить деньги, но он ошибся. Так я утвердился в своей мечте, что когда-нибудь заполучу уйму деньжищ и оторвусь на славу. Я должен сорвать куш. Эта мысль не отпускает меня по сей день. И когда она станет реальностью, я устрою большой кутеж. Казалось, шанс появился, когда умер мой старик. Я думал, что продам кафе и прогуляю вырученные деньги, но ничего не вышло. После уплаты долгов у меня не осталось ни шиша. Все, что у меня есть сейчас, – это одежда, которая на мне, и сорок долларов, оставшихся от пособия, что я получил при увольнении из армии. Вот почему я направляюсь в Майами, где крутятся огромные бабки, и кое-что из них наверняка прилипнет к моим рукам. Огромные бабки, Том, а не мелочь. У меня предчувствие: если я доберусь до Майами, то сорву джекпот.

Рош сидел и слушал с бесстрастным лицом.

– Но почему Майами, Джонни? Почему не Нью-Йорк или любой другой большой город?

– Я кое-что слышал о нем, – попытался объяснить я. – Звучит нелепо, но я встретил парня, которому довелось бы-

вать в Майами. Он рассказывал, что другого такого места нет. На каждый квадратный дюйм миллионеров там больше, чем в любом другом городе. Они приезжают туда отдыхать и швыряются деньгами налево и направо, как пьяные матросы. Если ты не промах, кое-что может перепасть и тебе. Но пойми меня правильно. Я не стану заниматься вымогательством и не попаду в передрагу. Я собираюсь сорвать куш законно. В Майами на каждом углу найдется работенка, где можно наварить неплохие бабки. Знаешь, что мне рассказывал этот парень? Спасатели на пляже зарабатывают до двухсот баксов в неделю. Он знал одного, что спас жизнь кинозвезде и получил тысячу баксов плюс работу в Голливуде. А сам этот парень работал водилой. Так вот, его босс окочурился и оставил ему пять штук баксов, хотя тот и проработал-то у него всего три года. Просто представь! А почему мне не может так же повезти? Вот и все. Деньги в Майами. Осталось только оказаться в нужном месте, когда миллионеры начнут швыряться ими.

Рош потер колено, не сводя с меня задумчивого взгляда.

– А твой приятель не рассказывал о всякого рода мошенниках, картежниках, шантажистах, шлюхах и бандитах, которые, как волчья стая, пытаются урвать деньги у твоих миллионеров? – тихо спросил он. – Не говорил о копах, которые гоняются за простыми парнями, не давая им передохнуть? Я был в Майами, Джонни. До того как покалечил ногу, я каждую неделю водил грузовик из Пелотты в Майами.

Город прекрасный, но только для миллионеров. А если тебе не хватает денег, там выжить труднее, чем в джунглях, где полно диких зверей. Послушай моего совета – забудь о Майами. Это всего лишь мечта. Оставайся с нами. Ты получишь неплохой шанс на безбедное существование и уберешься от неприятностей. Тот, кто охотится за легкими деньгами, рано или поздно попадет в беду. Джонни, подумай как следует. Для тебя единственный способ добраться до больших денег – это бокс. Не знаю, насколько ты в нем хорош, но если твой удар – не случайность, то я скажу тебе...

– Не говори ничего, – прервал я Тома. – Я завязал с боксом. Не хочу закончить жизнь полуслепым и с отшибленными мозгами. Это последнее слово. Ты говоришь, Майами – бандитский город. А тот парень рассказывал, что там полно легковых лопухов. Поеду-ка я туда и сам все выясню. Может, я и сумасшедший, но это мое решение. Извини, Том, но дело обстоит именно так.

Рош пожал шуплыми плечами:

– Ладно, если тебе так хочется, отправляйся в Майами. Осмотрись. А потом возвращайся. У тебя есть три месяца, прежде чем я начну искать кого-то другого. Подумай об этом, Джонни. Треть в бизнесе и полная свобода. И, кроме нас с Элис, до тебя никому не будет дела. Обмозгуй как следует.

Мне не надо было долго раздумывать.

– Не жди меня, Том, – ответил я. – Улаживай свои дела.

Я не собираюсь возвращаться.

Я заканчивал завтракать, когда в комнату снова заглянул Рош:

– Пришел Солли Брэнт. Спрашивает тебя. Хочешь с ним увидеться?

– Почему бы нет? Или, по-твоему, не стоит?

Рош пожал плечами:

– Да как хочешь. Он не сказал, зачем пришел.

– Тогда пусть идет сюда.

Когда я отодвинул тарелку и потянулся за сигаретой, вошел Брэнт. В сдвинутой на затылок панаме, с темными кругами под глазами, он выглядел так, будто не спал несколько дней.

– Мне жаль, что ваш парень не сможет выступить, – произнес я, прежде чем он успел открыть рот, – но он получил по заслугам. Если вы пришли жаловаться, то меня это не проймет. Я ничего не могу поделать.

– Я понимаю, – согласился Брэнт, пододвигая стул. – Маккриди – жуткий обормот, всегда им был и таким останется. – Брэнт потер лицо рукой и тяжело вздохнул. – Этот упырь пьет мою кровь. У меня от него одни проблемы. – Наклонившись вперед, он ткнул в меня толстым пальцем. – Где ты научился такому удару?

– Немного занимался боксом. Если бы знал, что у него

стеклянная челюсть, бил бы в другое место.

– Она у него не стеклянная. Другие годами били по ней, и до сих пор ему это даже нравилось. Никогда не видел такого удара. Он бы в танке брешь пробил. – Брэнт рассеянно взял ломтик поджаренного хлеба и стал его грызть. – На Маккриди мне плевать. Если бы ему нашлась замена, кого можно выставить против Кида, я бы плясал от радости, что избавился от него. Но у меня никого больше нет, а это первый серьезный бой за последние несколько лет. На кону крупная сумма, настоящий куш для такого парня, как я. – Дожевав хлеб, он спросил: – С кем ты дрался на ринге?

– Нет, только не я, – был мой ответ. – Не важно, с кем я дрался. Ты не заставишь меня выйти на ринг. Я оставил его много лет назад и не собираюсь возвращаться.

Карие глазки Брэнта жадно меня буравили.

– С таким телосложением и таким хуком ты прирожденный боец. Как давно ты не выходил на ринг?

– Давно. И бокс меня больше не интересует. Если это все, о чем ты хотел поговорить, давай расстанемся, пока мы еще не поссорились.

– Стой, одну минуту. Рош говорил, ты нокаутировал Вайнера во втором раунде. Это так?

– Даже если и так, тебе-то что с того?

– Собираешься в Майами, да? – Отложив хлеб, он пододвинулся ко мне. – А теперь послушай, что я скажу. Как только я тебя увидел, так сразу понял: ты боец. Пошевели мозга-

ми, Фаррар. Что тебе делать в Майами в такой одежде? Как далеко ты уйдешь, прежде чем окажешься в тюрьме? Даже если будешь выбирать улицы потемнее, долго ты там не выдержишься. Надо выглядеть на все сто, иначе тебе нет места в Майами.

– Это мои проблемы, не твои.

– Я знаю. – Он снял панаму и заглянул в нее, словно что-то искал. – Но я с тобой не разговоры разговариваю, будто мне заняться больше нечем. Как насчет того, чтобы приехать в Майами в белом костюме, весь упакованный и в собственном автомобиле? Ладно, мой драндулет не очень похож на приличный автомобиль, но он на ходу. А что скажешь, если у тебя в кармане окажется пятьсот баксов? Просто так, для разгона?

Хорошая наживка, не поспоришь. Я и сам понимал, что моя одежда не для Майами, и это напрягало меня. Белый костюм, пятьсот баксов и машина казались правильным решением.

– Продолжай говорить. От меня не убудет, если я тебя выслушаю.

– В яблочко. – Он широко улыбнулся, показав шесть золотых зубов. – И вот мое предложение. Выходишь вместо Маккриди, и все это твое. Ну как тебе?

– Неплохо. Но с чего ты решил, будто я справлюсь?

– А как раз в этом я и не уверен. Правда, если у тебя в запасе есть что-нибудь, кроме того хука, то шансы есть. Мо-

жет, встретимся в спортзале? Покажешь, на что ты способен.

Я колебался. Через пару часов Джош Бейтс поедет из Пелотты в Майами. Я мог бы отправиться с ним и путешествовать, как бродяга, или задержаться здесь еще на четыре дня, а затем путешествовать на своей машине с деньгами в кармане. Но прежде чем я получу машину и деньги, предстояло сразиться с неизвестным тяжеловесом, и хорошая тренировка пришлась бы весьма кстати. Не исключено, что в следующий раз челюсть окажется сломанной у меня самого.

– И каков он, этот парень, с которым ты хочешь меня свести?

– Неплох, – ответил Брэнт, поднимаясь. – Быстрый, с отличным правым кроссом. Да ты не думай о нем. Я не жду победы. Просто повозись с ним несколько раундов, устрой шоу. Все поставят на него. И потом, если он окажется тебе не по зубам, всегда можно выкинуть белый флаг.

– Вот чего я никогда не делал и не собираюсь делать.

– Просто предположение, – примирительно произнес он. – Так идем в зал? Мы сможем поговорить более конкретно, когда я увижу, в какой ты форме.

Зал находился в конце темного, дурнопахнущего переулочка, в стороне от главной улицы Пелотты. Ничего особенного он собой не представлял: большое помещение, два тренировочных ринга, боксерские груши, на полу – грязные маты, несколько небольших раздевалок с душевыми кабинами, большинство из которых не работало.

Когда мы пришли, в зале никого не было.

– Уоллер, спарринг-партнер Джо, подойдет с минуты на минуту. Он крепкая рабочая лошадка, можешь бить его в полную силу. Если ты этого не сделаешь, достанется тебе. Предлагаю три раунда. Покажи, на что ты способен.

Он подошел к одному из шкафчиков и достал боксерскую форму. Пока я переодевался, вошел Уоллер, высокий негр потрепанного вида с угрюмыми, налитыми кровью глазами. Он коротко кивнул Брэнту, бросил на меня равнодушный взгляд и отправился переодеваться.

Когда я снял одежду, Брэнт критически оглядел меня и присвистнул.

– Ни жиринки. По мне, так ты в отличной форме.

– В нормальной форме, – отозвался я и нырнул под канаты. – Но если бы знал, что когда-нибудь снова выйду на ринг, я бы бросил курить. Дыхание, вот что меня сейчас беспокоит.

Уоллер забрался на ринг и задумчиво поглядывал в мою сторону, и это не ускользнуло от меня.

– Генри, давай проведем настоящий бой, – обратился к нему Брэнт. – Хочу посмотреть этого парня в деле. Бей со всей силы и не жалея его.

Негр что-то буркнул в ответ.

– И тебя, Фаррар, это тоже касается, – продолжил Брэнт. – Ну что, готовы? Тогда начинайте и не бойтесь хватануть через край.

Он ударил в гонг.

Втянув голову в массивные плечи, Уоллер, словно гигантский краб, двинулся вперед. Мы закружили по рингу, прощупывая друг друга. Я сделал пару быстрых прямых ударов по корпусу, увернулся от коварного правого оверхенда и достал его таким же ударом, только слева. Я не особенно выкладывался. Хотел проверить свой тайминг, понять, как у меня с реакцией. Иногда Уоллер заставлял меня врасплох и наносил болезненные удары в бок. Он постоянно отступал, так что мне приходилось идти вперед, и контратаковал, когда я проявлял активность. Внезапно он остановился и сделал выпад правой, целясь в голову. Я почти увернулся от удара, и он прошел по касательной, но это был хороший жесткий удар, и голова у меня слегка закружилась.

В ответ я нанес удар левой. Это был мой первый удар от души. Рука словно наткнулась на кирпичную стену. На лице Уоллера появилось удивление.

Мы продолжали кружить по рингу. Теперь он вел себя более осмотрительно. Тот удар левой насторожил его. Я пропустил два джеба и получил удар по корпусу, который заставил меня скрипнуть зубами.

Я чувствовал, что не справляюсь с дыханием, — сказались отсутствие тренировок. Чтобы избежать неприятностей, надо остановить этого парня, и сделать это быстро.

Уоллер заметил, что я выдыхаюсь, и усилил натиск. Достать его было непросто, и какое-то время мне удавалось на-

носить ему только джебы в лицо и в голову, надеясь, что он раскроется. Я отбил большинство его ударов, но не все, и пропущенные оказались очень болезненными. Я был рад, когда прозвенел гонг. Можно было плюхнуться на табурет и передохнуть.

Брэнт с задумчивым выражением лица вытирал губкой кровь с моего носа.

– Ты слишком долго не тренировался, – сказал он. – И неправильно распределяешь силы. В следующем раунде бей полегче, боксируй спокойнее и старайся держаться подальше от партнера.

Я промолчал. У меня имелись свои мысли насчет того, что делать. Я должен был закончить поединок нокаутом в ближайшем раунде, потому что понимал: долго мне не протянуть.

Привалившись к канатам, Уоллер даже не присел отдохнуть. Казалось, ему было скучно.

– Готов? – спросил Брэнт, протягивая руку к веревке гонга.

– Да, – ответил я и медленно вышел на ринг.

Уоллер пошел на меня, готовясь нанести решающий удар. Он сделал выпад левой. Я увернулся, и удар скользнул по плечу. В ответ я нанес ему три удара по корпусу. Он хрипло вздохнул, входя в клинч и всем весом наваливаясь на меня. Я пытался оттолкнуть его, но ничего не получалось. Он отчаянно цеплялся за меня, не обращая внимания на Брэнта,

кричавшего: «Брейк!» Уоллеру крепко досталось, и он потерял уверенность. После недолгой борьбы я наконец высвободился из его объятий и в этот момент поймал его правым апперкотом. Рыча, он принялся отбиваться, и пару секунд мы обменивались ударами слева и справа. Я рассчитывал удары лучше, и они достигали цели. Наконец удар левой расчистил мне дорогу. Защита противника ослабла, и он пропустил правый хук в челюсть. Уоллер рухнул на пол. Я отошел, вытирая разбитый нос и тяжело дыша. Я был спокоен. После такого удара встать на ноги он не мог.

Брэнт с сияющим видом полез на ринг, улыбаясь от уха до уха. Мы вместе перетаскивали Уоллера в угол и усадили на табурет. Внезапно чей-то голос сказал:

– Мне нравится этот парень. Где ты его нашел, Брэнт?

Толстяк вздрогнул, будто в него ткнули раскаленной кочергой.

Возле ринга стояли трое мужчин. Говоривший был коренаст и широкоплеч. На его лице застыло упрямое выражение, сверкающий взгляд глубоко посаженных черных глаз казался неподвижным. На незнакомце был льняной костюм цвета бутылочного стекла и белая фетровая шляпа. Ниточка усов, словно нарисованная черным карандашом, отчетливо выделялась на смуглой коже.

Двое других словно сошли с голливудского экрана. Итальяшки, бледные имитации своего босса, по виду были больше в ладах с пистолетом или ножом, чем с кулаками.

Их вид мне не понравился.

– Здравствуйте, мистер Петелли, – проговорил Брэнт. На его губах застыла улыбка, а в глазах испуг. – Не видел, как вы вошли.

Петелли скользил по мне пристальным взглядом. Казалось, он не пропустил ни одной мышцы, родинки или веснушки.

– Где ты его нашел?

– Это он сломал челюсть Маккриди, – произнес Брэнт, заметно нервничая, затем вынул носовой платок и вытер лицо.

– Наслышан. Хочешь выставить его против Кида?

– Я собирался потолковать об этом с вами, мистер Петелли. Но сначала решил посмотреть, в какой он форме.

– Похоже, твой черномазый считает, что с формой у него все в порядке, – холодно усмехнулся Петелли.

– Ему бы немного потренироваться... – начал Брэнт, но Петелли его оборвал:

– Приходите ко мне в офис через час. Мы как раз направляемся туда. – Он посмотрел на меня. – Как тебя зовут?

– Фаррар, – ответил я коротко и нырнул под канаты.

– Парень, ты мне нравишься, – продолжил Петелли. – Могу дать тебе несколько боев. Ты подписал с Брэнтом контракт?

– Я ни с кем ничего не подписывал, – заявил я, – и не собираюсь. Это будет мой единственный бой.

– Приходи лучше вместе с Брэнтом, тогда и поговорим.

Хочешь, дам тебе один бой в месяц?

– Мне это неинтересно, – произнес я и во внезапно наступившей тишине направился через зал в раздевалку.

Я вернулся к Рошам как раз вовремя, чтобы увидеть, как шестиколесный грузовик Джоша Бейтса выруливает по набережной в сторону шоссе на Майами. Я смотрел ему вслед со смешанными чувствами. В голову закрадывалась мысль, что мне следовало бы сидеть в кабине рядом с водителем.

Когда я вошел в кафе, Рош начищал до блеска один из кофейников.

– Значит, ты передумал, – произнес он. – А Джош тебя ждал. Что случилось?

– Прости, Том. Я позволил уговорить себя, – ответил я и рассказал о предложении Брэнта. – С машиной и пятьюстами баксами выглядишь гораздо представительнее, – рассудил я. – Придется проторчать здесь еще четыре дня, зато я уеду на собственном авто.

Я продолжил рассказ и дошел до Петелли.

– Держи с ним ухо остро, – посоветовал Рош. – У него дурная репутация.

– Охотно верю и попробую не попадаться ему на пути. Мне нужно потренироваться. Времени мало, но к субботе постараюсь хотя бы немного прийти в форму.

– Оставайся у нас, Джонни. И не спорь. Мы будем рады, если ты поживешь у нас.

Я не стал возражать. Мне нравились Роши.

Позже в кафе зашел Солли Брэнт. Он буквально рухнул за угловой столик, словно перед этим пробежал десять миль.

Я подсел к нему.

– Ну, все улажено, – с мрачным видом проговорил он. – Пришлось приложить немало сил, чтобы убедить Петелли, что бой будет только один. По-моему, ты совершаешь ошибку, Фаррар. У Петелли можно нагрести целый мешок бабла.

– Мне это неинтересно.

– Я так ему и сказал. Но у тебя еще есть время передумать.

– Я не передумую.

Брэнт беспокойно поерзал на стуле.

– В этом-то вся и загвоздка.

– В чем?

– Понимаешь, если это твой первый и последний бой, Петелли не будет в тебе заинтересован, понимаешь?

– Да и ладно. Чем меньше у нас с ним общего, тем лучше.

– Но тогда он поставит на Кида, и Кид должен будет победить.

– Пусть, я не против. Если Кид так хорош, возможно, он и победит.

– Он должен будет победить, – хрипло произнес Брэнт. – Понимаешь?

Я уставился на него:

– Так ты договорился, чтобы я лег под него в нокауте?

– Вот именно. Петелли сделает тебе хорошую рекламу, многие поставят на тебя, а он поставит на Кида и сорвет куш.

Мне велено передать, чтобы ты поддался в третьем раунде.

– А я говорю, что никогда не поддавался и теперь не собираюсь так делать.

Брэнт вытер лицо не слишком чистым платком.

– Слушай, Фаррар, ты получишь пятьсот баксов и машину. Ради всего святого, не усложняй ситуацию.

– Если Кид не сможет меня победить, значит вынесут с ринга его. Я не собираюсь играть в поддавки!

– У тебя нет выбора, – пробормотал Брэнт, и на лбу у него снова проступили капельки пота. – Слово Петелли – закон для всех.

– Ну хорошо, допустим, я сделаю по-своему. Что тогда?

– Тогда ты будешь по уши в дерьме. Я не шучу. Петелли – чудовище. Пару лет назад тут был парень, который сделал все по-своему. Из-за него босс потерял кучу денег. Его так обработали, что он уже больше никогда не выйдет на ринг. Ребята колотили его по костяшкам пальцев стальным прутom до тех пор, пока те не превратились в труху. С тобой будет то же самое, если не выполнишь приказа.

– Сначала меня надо поймать.

– Они поймают. Тут был один, считавший себя умнее всех. Улизнул потихоньку из города, но его все равно сцапали. Шесть месяцев ушло на поиски. А потом его нашли с проломленной головой и перебитыми руками. Он так и не оправился.

– Ты меня не запугаешь. – Во мне понемногу начала за-

кипать злость. — Или честный бой, или я в нем не участвую!

— Включи голову, Фаррар, — взмолился Брэнт. — Если Петелли говорит тебе лечь в нокауте, то, черт возьми, ты ляжешь. Спроси любого. Спроси Роша. Не надо шутить с Петелли. Как он скажет, так и будет.

— Но не со мной. — Я поднялся из-за стола. — Это мой последний бой, и я не собираюсь ввязываться в аферу с фальшивым нокаутом. Передай это Петелли.

— Передай ему сам, — поспешно проговорил Брэнт. — Теперь это твоя забота.

— Вовсе нет. Ты заварил кашу, тебе и расхлебывать. А я пойду в зал.

Должно быть, Брэнт бросился к Петелли, как только я вышел из кафе, поскольку не успел я закончить разминку под наблюдением Уоллера, как в зале появились двое громил, подручных Петелли.

Позже я узнал, что их зовут Пеппи и Бенно. Италияшка Пеппи ходил с прилизанными волосами и носил усы ниточкой, как у хозяина. Бенно же был толстяком со злобным взглядом и выбритым до синевы подбородком.

Они ввалились, будто к себе домой, и при их виде Уоллер застыл на месте. Признаюсь, было в них что-то такое, отчего и по моей спине поползли мурашки.

— Идем, — буркнул Пеппи, ткнув в меня пальцем. — Одевайся. Босс желает с тобой поговорить.

— Некогда мне, — был мой ответ. — Он найдет меня здесь,

если я ему так сильно понадобился.

Уоллер поперхнулся и посмотрел на меня так, словно я сошел с ума.

– Не гони пургу, – прорычал Пеппи, и его побагровевшее лицо перекосило от злобы. – Одевайся и пошли!

Пеппи был на голову ниже меня, и мне совсем не хотелось его бить, но я понял, что придется, если он не сменит тон.

– Вон отсюда! – вскипел я. – Оба. А не то я вас отсюда вышвырну.

– А ты попробуй, – ухмыльнулся Бенно, и в его руке тут же появился пистолет с вороненым стволом. – Надевай свои шмотки, или словишь пулю в живот!

Его твердый немигающий взгляд говорил, что он не блефует.

Почти не шевеля губами, Уоллер чуть слышно произнес:

– Не дури, Фаррар. Отправляйся с ними. Я их знаю.

Пеппи расплылся в улыбке:

– Смышленный парень. Еще бы ему нас не знать. Только в этом году Бенно был замешан в трех переделках со стрельбой. Хочешь четвертую?

Пока я одевался, они стояли рядом и смотрели на меня. Потом мы вышли в переулок, где был припаркован их «кадиллак». Бенно по-прежнему держал пистолет в руке. На краю тротуара, прямо у машины, стоял полицейский. Он посмотрел на Бенно, затем на пистолет и поспешно отвернулся. Его поведение самым доходчивым образом дало мне понять,

в какой переплет я попал. Открыв переднюю дверцу, я сел рядом с Пеппи, который расположился на водительском сиденье. Бенно, дыша мне в затылок, устроился сзади. На дорогу до «Океана» ушло меньше минуты. Мы вошли в отель через боковой вход, и украшенный позолотой лифт понес нас вверх. Ни Бенно, ни Пеппи не проронили ни слова, но Бенно продолжал держать меня на мушке. Мы прошли по длинному коридору к полированной двери из красного дерева с надписью «Частные апартаменты». Пеппи постучал, затем повернул ручку и открыл дверь.

Мы оказались в небольшой комнате с дубовыми панелями, обставленной как кабинет.

Блондинка за столом печатала на пишущей машинке и жевала жвачку. Она мельком посмотрела в нашу сторону, на секунду задержала на мне равнодушный взгляд и, будто не заметив пистолета в руке Бенно, кивнула в направлении двери позади нее.

– Проходите, – сказала она Пеппи. – Он ждет.

Пеппи поскребся в дверь, открыл ее, заглянул внутрь, а затем отошел в сторону.

– Дальше сам, – буркнул он мне. – И помни о манерах.

Я прошел мимо него и попал в огромное помещение, какие редко встречаются за пределами съемочной площадки. На полу лежал внушительных размеров зеленый ковер с таким густым ворсом, что его можно было косить газонокосилкой. Пара дюжин удобных кресел, два больших «честер-

филда», несколько торшеров и один-два причудливых стола тщетно пытались освоить пространство, которое, как предполагалось, они должны были заполнить. На стенах в золоченых рамах висели зеркала, и, когда я шагнул вперед, в них появилось мое отражение, напомнив, какой поношенной выглядит моя одежда.

За столом, таким большим, что он подошел бы для игры в пинг-понг, восседал Петелли. Босс курил сигару, а белая фетровая шляпа с широкими полями, которая была на нем во время визита в спортзал, по-прежнему покоилась на его затылке. Подавшись вперед, он сложил локти на стол и ждал, пока я не окажусь в ярде от него. Затем он остановил меня, указав в мою сторону сигарой.

– Я буду говорить, ты будешь слушать, – холодно прозвучал его резкий голос. – Ты хороший боец, Фаррар, и я мог бы использовать тебя, но Брэнт сказал, ты не хочешь возвращаться на ринг. Так?

– Да, – ответил я.

– Кид тоже хорош, но, на мой взгляд, он не устоит под твоим ударом. Что ж, если я не могу получить тебя, мне придется довольствоваться им. Это его первый бой в Пелотте. И он еще не забирался так далеко на север. Для его репутации будет не слишком хорошо, если он здесь потерпит поражение, поэтому он должен победить. На ваш бой я поставил десять косых и не намерен их потерять. Я сказал Брэнту, чтобы ты лег в третьем раунде. И теперь повторяю это тебе.

Брэнт передал мне, что эта идея тебе не нравится. Но это твое личное горе, и меня оно не касается. Я давал тебе шанс остаться со мной, и ты его упустил. — Помолчав, он стряхнул на ковер пепел сигары и продолжил: — Это мой город. Я держу его в своих руках, понял? И мое слово — закон. У меня есть команда, которая заботится о тех, кто не выполняет моих приказов. Если понадобится, мы позаботимся и о тебе. С этого момента ты будешь под наблюдением. Тебе запрещается покидать город. В субботу вечером ты выходишь на ринг с Кидом и разыгрываешь убедительное шоу. В третьем раунде пропускаешь удар, падаешь и остаешься лежать. Это приказ, и ты его исполнишь. Если не исполнишь, мы тебя уничтожим. Я не шучу. Я не намерен терять десять тысяч из-за какого-то бродяги, которому гордость мешает поддаться. Если попробуешь меня обмануть, это будет последний обман в твоей жизни. И забудь о полиции. Она тебе не поможет. Теперь ты знаешь расклад, и выбор за тобой. Я не собираюсь с тобой спорить. Просто предупреждаю. Нокаут в третьем раунде или пуля в спину. Я все сказал. Убирайся!

Он не блефовал. Я понял, что, если потребуется, он без колебаний прихлопнет меня как муху.

Я не знал, что сказать. Он выложил карты на стол. Теперь дело было за мной. Если смотреть правде в глаза, сказать мне было нечего. Я повернулся и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Блондинка все еще стучала по клавишам пишущей ма-

шинки. Пеппи и Бенно уже ушли. Не останавливаясь и не отрывая взгляда от текста, девушка произнесла:

– Милейший человек, верно? Можно только удивляться, почему у него нет друзей.

Я вышел в длинный коридор и направился к лифту. Оказавшись на улице, заметил на другой стороне Бенно. Он шел за мной всю дорогу до спортивного зала.

Оставшиеся четыре дня и ночи Бенно и Пепи, сменяя друг друга, повсюду ходили за мной, ни на мгновение не упуская из виду. Я прикидывал так и этак, нельзя ли ускользнуть из города и перебраться в Майами, но вскоре обнаружил, что надежного способа сделать это не существует. Эти двое следовали за мной как приклеенные.

Я решил никому не говорить о случившемся. И только когда Том Рош сообщил, что хочет поставить на меня, я ему намекнул, что дело пахнет керосином.

– Не ставь на меня и не задавай вопросов. И вообще лучше ни на кого не ставь.

Он уставился на меня, понял, что я не шучу, начал было что-то говорить, но передумал. Он не был дураком и, похоже, догадался, какая каша заварилась.

О встрече с Петелли Брэнту я тоже не рассказывал, но в этом и не было нужды. Мой антрепренер все прекрасно знал и сам. По возможности он старался избегать меня, а когда наши пути все-таки пересекались, заметно нервничал. Похоже, ему не нравилось, как усердно я тренируюсь, чтобы привести себя в форму.

Уоллер не задавал лишних вопросов, но делал все возможное, чтобы помочь мне подготовиться к бою. К вечеру третьего дня мои удары стали лучше находить цель и дыха-

ние меня уже не беспокоило.

Петелли, безусловно, проделал отличную работу по части моей рекламы. Все местные газеты пестрели заметками обо мне, и бойкие ребята переходили из бара в бар, расхваливая меня на все лады. Этот мощный напор вскоре повлиял на тотализатор, и к утру субботы на меня уже ставили четыре к одному как на фаворита. Поставив десять тысяч на Кида, Петелли получал кучу денег.

Ни он, ни его громилы больше ничего не говорили мне. Вероятно, они посчитали, что нашего краткого разговора в отеле было достаточно. Так оно и было. Мне придется поддаться в третьем раунде, или моя жизнь резко закончится. Я решил сделать так, как мне велели. С таким седоком, как Петелли, лучше не брыкаться.

В конце концов, моей задачей было появиться в Майами на машине и при деньгах, и это было единственное, что меня действительно волновало. Во всяком случае, я себя в этом убеждал, хотя ярость клокотала в глубине моей души. Я думал о простофилях, отдававших последние деньги ради сомнительного удовольствия сделать на меня ставку, и о репутации нечестного бойца по окончании субботнего боя. Но что меня действительно терзало, так это необходимость подчиняться приказам такой крысы, как Петелли.

Утром перед боем мы с Брэнтом отправились в спортзал на взвешивание. Там собралась большая толпа. Но, прокладывая себе дорогу к дверям, я не получил никакого удоволь-

ствия от приветствий в мой адрес, которые слышались отовсюду. Я заметил Тома Роша с Сэмом Уильямсом и, когда те замахали мне руками, слабо улыбнулся в ответ.

Петелли стоял около весов и курил сигару. Пеппи маячил прямо за ним. Рядом подпирал стену толстяк в коричневом костюме, довольная ухмылка не сходила с его лица. Он оказался антрепренером Майами-Кида.

Я дал понять, что добродушных похлопываний по спине не будет, и пошел переодеваться. К тому времени как я разделся, Кид уже расхаживал перед публикой. Я смотрел на него с любопытством. Высокий и мощный, по моему разумению, он был немного толстоват в талии. Когда я вышел из раздевалки, Кид с презрительной ухмылкой окинул меня взглядом.

Я был на четыре фунта тяжелее, и мои руки были на три дюйма длиннее, чем у него.

– Ну и что? – громко произнес он, обращаясь к своему антрепренеру. – Чем он тяжелее, тем труднее ему прыгать по рингу.

Судя по хохоту, толпа, похоже, решила, что это самая оригинальная и остроумная шутка на свете.

Когда я сошел с весов, Кид с прежней усмешкой протянул руку и схватил меня за бицепс.

– Эй, а мне говорили, будто у этого парня сильный удар! – выкрикнул он. – И ты называешь это мускулами, приятель?

– Быстро убрал свои лапы! – предупредил я, и мой взгляд

заставил его немедленно отступить на два шага. – Вечером узнаешь, есть у меня мускулы или нет.

Наступила внезапная тишина, и лишь когда я пошел прочь, вновь слышался гул голосов.

Брэнт побежал за мной в раздевалку.

– Не позволяй ему запугивать тебя. Он любит позубоскалить, – взволнованно сказал он.

Мне не нужно было способности читать мысли, чтобы понять, что он имел в виду. Брэнт боялся, что Кид заденет меня за живое и я все припомню ему, когда мы встретимся на ринге. В этом он был не так уж далек от истины.

– Вот как? – отозвался я. – Ну, тогда и я поиграю в его игру.

Первый платеж от Брэнта за бой поступил во второй половине дня. Он его привез сам.

– Подумал, тебе лучше выглядеть пошикарней, Фаррар, – произнес он, не глядя на меня. Сняв крышку коробки, толстяк достал оттуда белый льняной костюм, кремовую шелковую рубашку, зеленый галстук в полоску и белые туфли из оленьей кожи. – В таком прикиде ты всех сразишь наповал, – продолжил он, стараясь, чтобы его тон оставался непринужденным. – Давай посмотрим, как он тебе подойдет.

– Засунь его обратно в коробку и убирайся, – велел я.

Я лежал на кровати в маленькой комнате, которую мне выделил Рош. Шторы были наполовину задернуты, и в комнате царил полумрак. До выхода на ринг оставалось семь ча-

сов. Они тянулись, как тюремный срок без всякой надежды на условно-досрочное освобождение.

– Да что с тобой такое? – удивился Брэнт, и на его щеках проступил румянец. – Разве ты не этого хотел? – добавил он и потряс костюмом перед моим лицом.

– Убирайся, пока я не вышвырнул тебя!

Когда он ушел, я закрыл глаза и попытался уснуть, но мысли о Петелли по-прежнему крутились в голове. А еще я думал обо всех простых людях, которые на меня поставили. Я пытался убедить себя, что ничего уже не исправить, но прекрасно понимал, что пошел на сделку сам. В боксе я не был новичком и прекрасно знал обо всех этих бесчестных махинациях. Я поэтому-то и ушел. Но первое же поступившее предложение соблазнило меня вернуться. Если бы не мое желание появиться в Майами на собственной машине и при деньгах, ничего бы этого не случилось.

Предположим, я обману Петелли. Какой у меня шанс не словить пулю? Петелли не блефовал. Он не мог допустить, чтобы я обманул его и безнаказанно смылся. Иначе его власть над другими боксерами ослабнет, а кроме того, он не из тех, кто позволит отнять у себя сорок тысяч долларов, не посчитавшись с обидчиком.

Я все еще лежал на кровати, когда в комнату заглянул Рош:

– Джонни, семь тридцать. Вставай, пора ехать. Ты в порядке?

Я поднялся с кровати:

– Все нормально. Наверное, надо такси вызвать?

– Я отвезу тебя. Только умоюсь. Буду готов через пять минут.

– Отлично.

Ополоснув лицо водой, я причесался и надел одежду, которую принес Брэнт. Она прекрасно мне подошла, но удовольствия я не почувствовал. Если бы моя собственная одежда не была такой потрепанной, я не стал бы надевать этот роскошный наряд. Раздался стук в дверь, и вошла Элис.

– Джонни, как ты шикарно выглядишь!

– Да уж...

Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, в какую цену обойдутся мне эти шмотки.

– Том уже пошел за машиной. Удачи, Джонни.

– Спасибо. Я рад, что тебя там не будет.

– Том предлагал поехать с ним, но я не люблю бокс. Я скрещу за тебя пальцы.

– Обязательно. Ну, счастливо оставаться. Спасибо за все, что вы для меня сделали.

– Но ты же вернешься?

Вернусь ли я? Я и сам этого не знал.

– Да, конечно, но все равно спасибо.

– Положи эту вещьцу в карман. Она принесла удачу мне, принесет и тебе. Я так хочу.

Она протянула мне серебряный медальон с изображением

какого-то святого.

Я с удивлением взглянул на Элис:

– Спасибо. Но может, мне не стоит его брать? Что, если я его потеряю?

– Положи в карман и забудь. Он тебе поможет.

Я так и сделал. Положил в карман и забыл. Когда я сбежал по ступенькам кафе на тротуар, подъехал «кадиллак» Петелли. Бенно был за рулем, Брэнт сидел сзади.

– Лучше, если мы тебя подвезем, – сказал Брэнт, высунувшись из окна. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Но я поеду в машине Роша.

– Ты поедешь в этой, – прорычал Пеппи, подходя сзади.

Рош еще не вернулся. Ввязываться в ссору не имело смысла.

– Скажи Тому, что я уехал с этими парнями! – крикнул я Элис, все еще стоявшей в дверях кафе.

Я сел рядом с Брэнтом, и мы быстро покатали по безлюдным улицам. Практически все жители Пелотты отправились смотреть бой. Когда мы подъезжали к залитому огнями стадиону, Пеппи бросил через плечо:

– В третьем, Фаррар, или тебе крышка.

– Не напрягайся так, – отозвался я. – У меня со слухом все в порядке.

К входу вел широкий проезд, уже основательно забитый машинами, но Бенно лавировал между ними, не снижая скорости.

Брэнт сказал вполголоса:

– Как только все закончится, я расплачусь наличными. Твоя машина стоит у заднего хода. Бак залит доверху, хоть сейчас в дорогу. Идет?

Я буркнул в ответ что-то нечленораздельное.

Бенно остановил «кадиллак» на огромной парковке, мы все вышли и сразу направились к боковой двери. Как только Пеппи ее открыл, нас окатила волна горячего, пропахшего потом воздуха.

– Стадион забит под завязку, – проговорил Брэнт. – Распроданы все билеты.

Мы поднимались по бетонным ступенькам, встречая по пути людей, которые направлялись к своим местам. Некоторые узнавали меня и, желая удачи, хлопали по спине. Я остановился в проходе и посмотрел на арену.

Сейчас там проходил менее значимый бой. Ребята, что называется, работали на разогреве. Залитый ослепительно-белым светом ринг выглядел невероятно далеким, и казалось, что от рева толпы содрогаются стены здания.

– Вот это да, – пробормотал Брэнт. – Тебе пора переодеться, Фаррар.

У двери раздевалки толпились журналисты и зеваки, но Брэнт никого из них не впустил. Он с трудом закрыл дверь, оставив снаружи немногословного Пеппи.

Уоллер ждал, готовый помочь мне, если понадобится.

– Иди давай, – сказал я, обращаясь к Брэнту. – Генри спра-

вится и без тебя.

– Послушай... – начал было Брэнт, но я его оборвал:

– Я не хочу, чтобы ты был рядом, и не хочу, чтобы ты ошивался в моем углу. Генри в состоянии сделать все, что необходимо.

Брэнт пожал толстыми плечами. Его лицо стало пунцовым.

– Ладно, как скажешь. Только не надо на меня сердиться. Я ничего не мог поделать.

– Не мог так не мог, но ты втянул меня в эту аферу, и я не хочу видеть тебя в моем углу.

Уже повернувшись к двери, Брэнт произнес:

– Смотри, Фаррар, не выкинь какой-нибудь фортель. Ты сейчас увяз по самые уши, и у тебя только один выход.

– Вали давай!

Когда он вышел, я начал раздеваться. Уоллер стоял рядом, на лице у него застыла тревога.

– Расслабьтесь, мистер Фаррар, – посоветовал он. – Не годится выходить на ринг в таком состоянии.

– Да все в порядке, Генри, не беспокойся, – ответил я, растягиваясь на массажном столе. – Запри, пожалуйста, дверь. Я больше не хочу никого здесь видеть.

Он запер дверь, подошел к столу и принялся массировать мне тело.

– Вы собираетесь выиграть этот бой? – спросил он, немного помолчав.

– Понятия не имею. Я знаю не больше твоего.

– Мне так не кажется.

Некоторое время он разминал мне мышцы, а затем произнес:

– Мистер Петелли уделил вам слишком много внимания. По-моему, в этом городе он сильно навредил боксу и продолжает в том же духе. Опять договорной бой?

– Ты сам это знаешь. Похоже, уже знает весь чертов город. А как по-другому, когда Петелли поставил десять штук на Кида? Мне велено лечь в третьем раунде.

Уоллер хмыкнул. Мы старались, чтобы наши взгляды не встретились.

– Вам не стоит сердиться на мистера Брэнта, – проговорил он. – Брэнт – неплохой парень. Но что он может сделать против мистера Петелли? Если мистер Петелли говорит, что вы должны лечь в третьем раунде, что тут сказать мистеру Брэнту? У него есть жена и дети, он вынужден подумать и о них.

– Ладно, Генри, допустим, Брэнт ничего не может сделать, но я просто не хочу видеть его. Ты же позаботишься обо мне, верно?

– Если вы собираетесь закончить бой в третьем раунде, вряд ли вам понадобится моя забота, – грустно покачал головой Уоллер.

В этом была своя правда.

– А если я не поддамся? – спросил я. – Если буду драться

с Кидом в полную силу и побью его? Какие у меня шансы выбраться отсюда живым?

Уоллер тревожно огляделся, будто опасаясь, что их могут подслушать.

– Вы с ума сошли, – сказал он, закатывая глаза. – Выкиньте эти мысли из головы.

– Я всего лишь спросил. Куда, к примеру, выходит это окно?

– Расслабьтесь. Даже говорить на эту тему не имеет смысла.

Соскользнув со стола, я подошел к окну. В тридцати футах подо мной раскинулась парковка. Я высунулся наружу. Под окном к водосточной трубе, спускавшейся до самой земли, шел узкий карниз. Было нетрудно спуститься на парковку, но это не означало, что получится уйти оттуда.

Уоллер оттащил меня от окна:

– Возвращайтесь на стол. Так не ведут себя перед боем.

Я снова забрался на массажный стол.

– Как, по-твоему, Генри, эти макаронники правда станут стрелять в меня или это все блеф?

– Правда, не сомневайтесь. Пару лет назад они застрелили Боя О'Брайена. Он не сдался в положенном раунде, как ему велели. А Бенни Мейсону они сломали кисти рук, когда тот свалился в нокауте. В тот раз мистер Петелли сделал ставку на то, что Бенни продержится до конца. Тайгеру Фриману за победу в седьмом раунде они плеснули кислотой в лицо.

И вас они наверняка застрелят, если мистер Петелли этого захочет.

Услышанное все еще не укладывалось у меня в голове, когда Брэнт крикнул через дверь, что пора выходить на ринг.

Генри помог управиться с красно-синим халатом, который прислал мне Петелли. Кричаще-ярким, с надписью «Джонни Фаррар», вышитой на плечах большими белыми буквами. В свое время я был бы горд и счастлив носить его, но сейчас меня едва не стошнило.

Когда я добрался до верхней части пандуса, ведущего на арену, фанфары уже приветствовали Кида. Зрители были к нему расположены, поэтому, когда он перемахнул через канаты и оказался на ринге, толпа радостно взвыла.

Ко мне подошел Брэнт. Он обильно потел и был очень взволнован.

– Ну хорошо, пойдем, – сказал он. – Ты впереди, мы – за тобой.

«Мы» – это сам Брэнт, Уоллер, Пеппи и Бенно. Я двинулся к рингу. При виде меня люди вставали и восторженно кричали. Я мрачно подумал о том, какие крики будут сопровождать меня на обратном пути.

Я дошел до ринга, нырнул под канаты и направился в свой угол. Кид, в желтом халате, паясничал в противоположном углу. Выставляя напоказ свои кривые ноги, он притворялся, будто наносит удары секундантам. Толпе это шоу нравилось явно больше, чем его помощникам.

Я сел, и Генри принялся бинтовать мне руки. Антрепренер Кида, наглый толстяк, стоял рядом со мной и наблюдал, обдавая меня запахом виски и выдыхая мне в лицо сигарный дым. Именно из-за его мерзкого дыхания я отвернулся, посмотрел на людей, собравшихся прямо у подножия ринга, и увидел ее.

Судья-информатор, лысый коротышка в белом костюме, который был несколько великоват для него, что-то проорал в ручной микрофон, но я не разобрал его слов. Даже когда он представлял меня, я лишь после толчка Уоллера понял, что надо встать и поприветствовать взрепевшую толпу.

Я не мог оторвать глаз от женщины, которая сидела как раз напротив моего угла – так близко, что мы могли коснуться друг друга пальцами, если бы протянули руки. Даже посылая толпе воздушные поцелуи, я продолжал смотреть на нее, и она того стоила.

В свое время мне довелось повидать немало красивых женщин и в кино, и в жизни, но такой я не видел никогда. Блестящие, черные как смоль волосы разделяла посередине тонкая линия мраморного пробора, словно ее прочертили по линейке. Алебастровая кожа, широкий алый рот. Ее огромные темные глаза сверкали.

В отличие от других женщин, сидевших рядом, на ней было не вечернее платье, а изящно облегающий фигуру яблочно-зеленый льняной костюм и белая шелковая блузка. Шляпки на ней не было. Широкоплечая, с длинными стройными ногами, она, скорее всего, оказалась бы выше среднего роста, если бы встала. Под этим шикарным и провокационным нарядом угадывались формы, заставившие меня забыть

и о предстоящем бое, и о Петелли, и обо всем остальном.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. От ее взгляда во рту у меня пересохло и сердце застучало как бешеное. Даже монах-траппист понял бы, о чем говорит этот взгляд, а я не был монахом-траппистом.

– Что с вами происходит? – пробормотал Уоллер, шнуруя мои перчатки. – У вас такой вид, будто вы уже пропустили удар.

– В точку, – проговорил я и улыбнулся ей.

В ответ она улыбнулась манящей улыбкой, словно говорившей: «Мы могли бы повеселиться вместе». Рядом сидел ее спутник. Это был импозантный субъект в дорогом светло-коричневом костюме. Он был достаточно красив: темные волнистые волосы, смуглая кожа, правильные черты лица. Его внешность портили тонкий рот с поджатыми губами и сердитое выражение злых глаз, которое появилось, когда он заметил мой любопытный взгляд.

– Выходите. – Уоллер потянул меня за руку, чтобы я встал. – Судья ждет. Да что же с вами такое?

Рефери действительно ждал, и Кид тоже. Я вышел к ним на середину ринга.

– Не робей, приятель, – усмехнулся Кид. – Боязно вылезать из угла? Я пока еще не собираюсь тебя бить.

– Ладно, ребята, – резко произнес рефери. – Прекращаем шутки и переходим к делу. Теперь слушаем меня...

Он начал, как обычно, зачитывать правила, которые я так

часто слышал раньше. Пока он говорил, я спрашивал себя, почему незнакомка так на меня посмотрела. Я не утверждаю, будто прекрасно разбираюсь в женщинах, но ее улыбка была открытым приглашением, в этом можно было не сомневаться.

– Ладно, мальчики, – произнес рефери, покончив с рутинными обязанностями, – теперь вернитесь каждый в свой угол и выходите биться.

– Когда ты свалишься на пол, дружище, ты поймешь, что побывал в настоящей драке, – пошутил Кид, хлопая меня по спине.

Ты поймешь это еще раньше, подумал я, направляясь в свой угол.

Уоллер снял с меня халат, и я повернулся, чтобы в последний раз взглянуть на нее. Она подалась вперед, ее глаза сверкали.

– Поставь его на место, красавчик! – выкрикнула она. – Пора уже кому-то это сделать. – Ее спутник, нахмурившись, положил ей на запястье руку, но она нетерпеливо стряхнула ее. – Удачи!

– Спасибо, – отозвался я.

Возмущенный Уоллер встал между нами.

– Сосредоточьтесь на бое, – проговорил он, когда раздался удар гонга.

С нахальной ухмылкой на лице Кид, уткнувшись подбородком в левое плечо, тут же стал наступать. Он провел удар

левой, который на фут не достиг цели, отступил назад и ударил правой. Тоже мимо. Я кружил вокруг него, ожидая, когда он раскроется. Мне хотелось нанести противнику один прямой короткий удар по корпусу, чтобы слегка его окоротить. Я видел, что он двигается по рингу гораздо быстрее меня.

Он поймал меня враспloh и ударил левой рукой в лицо, но удар был не очень сильным. Я ответил левой и правой по корпусу. Он достал меня левой, снова ударив в лицо, и попробовал провести правый кросс, но я поднырнул под его руку и снова ударил по корпусу. Он перешел к ближнему бою и принялся молотить меня по ребрам, но я вошел в клинч, и рефери вынужден был нас развести. Потом я успел провести хороший джеб, и моему сопернику он явно не понравился. Кид быстро отпрянул, а затем опять пошел на сближение, забрасывая меня ударами левой и правой. Я отбил их, сделал шаг вперед и обрушил на противника сокрушительный удар, заставивший того встать на четвереньки.

Толпа словно взбесилась. Нокдаун в первые две минуты боя стал полной неожиданностью для всех. Люди вскочили на ноги, крича мне, чтобы я атаковал и добил его.

Я отошел в нейтральный угол, и судья начал отсчет. Такой сильный удар не входил в мои планы. Кид стоял на четвереньках, глядя на руку рефери остекленевшим взглядом, но все-таки поднялся на счет «семь» и сразу начал отступать. Я двинулся за ним, нанося удары слева и справа, но не в пол-

ную силу, так как не хотел доставлять ему новых проблем. Я просто продолжал шоу, чтобы развлечь толпу.

Зрители были довольны. То и дело я наносил удары открытой перчаткой, и раздававшийся при этом шлепок звучал так, словно я намеревался убить своего соперника.

Наконец в голове у него прояснилось, и он начал сопротивляться. Он рычал и явно страшился меня. Я чувствовал, как напуган Кид, по его ударам, не достающим до цели на ярд и больше. Все его мысли сейчас были о том, чтобы избежать моего удара правой. Он уже получил его и не хотел пропустить второй.

Раунд закончился тем, что мы сошлись в клинче и колотили друг друга по ребрам. На близком расстоянии он был хорош, и пара его тычков оказалась довольно чувствительной.

Прозвучал гонг, и я вернулся в свой угол. Пока Уоллер хлопотал вокруг меня, я глядел на нее.

Она сердито смотрела на меня без тени улыбки, плотно сжав губы. Я знал, в чем дело. Ее не обманули шлепки открытой перчаткой, которыми я дурачил публику. Уоллер ткнул губку, смоченную холодной водой, мне в лицо. Он уже успел заметить, кто завладел моим вниманием, и снова встал между нами, закрывая от меня незнакомку.

Когда Уоллер вытирал мне лицо, подошел Брэнт.

– Какую игру ты затеял? – взволнованным шепотом потребовал он ответа. Каждый мускул его побледневшего лица был напряжен. – Зачем ты ударил его так сильно?

– А почему нет? Он же пришел сюда драться?

– Петелли говорит...

– Да к черту этого Петелли!

Гонг возвестил начало второго раунда, и я покинул свой угол. Кид вышел осторожно, с боязливым выражением на лице. Он старался держать меня на расстоянии, но все равно оставался в пределах досягаемости. Я нанес ему удар в лицо, затем сделал шаг вперед и провел хук в верхнюю часть головы. Он энергично ответил, достав меня правой и левой, и несколько секунд мы обменивались ударами, колотя друг друга по корпусу, в то время как толпа одобрительно ревела. Кид отступил первым.

Я послал ему вдогонку хук и рассек кожу под правым глазом. Он выругался последними словами, а я продолжал наносить ему удары в лицо левой и правой. Он ушел в оборону, пытаясь защитить свой поврежденный глаз. Подобравшись поближе, я ударил его по корпусу. Должно быть, до него дошло, что легкой победы ему не видать, и в исступлении, вызванном яростью и отчаянием, мой противник внезапно перешел к активным действиям.

Подловив момент, когда я раскроюсь, он провел свинг правой, вложив в него всю свою мощь. Это был хороший удар, и от него у меня голова пошла кругом. Когда я двинулся к противнику, желая войти в клинч и подождать, когда у меня в голове прояснится, он ударил меня в лицо. Я отпрянул назад, прикрылся и, когда Кид бросился на меня, встре-

тил его левым в голову, но он продолжал наступать, нанося удары со всех сторон. От одних мне удавалось увернуться, другие приходилось терпеть. Это была беспокойная минута, но я держался, понимая, что в конце концов он раскроется, и он это сделал. Размахнувшись, он нанес мне отчаянный удар правой, в результате чего в его обороне образовалась брешь, в которую прошел бы и слон. Я сделал шаг вперед и нанес удар в челюсть. Он упал как подкошенный.

Прежде чем рефери успел начать счет, прозвучал гонг. Секунданты Кида выскочили на ринг и уволокли его в угол.

Я медленно вернулся к своему табурету и сел. Там меня уже поджидал Пеппи.

– В следующем раунде, слышишь, темнила? – прорычал он мне на ухо. – Это приказ.

– Вали отсюда! – сказал я, а осмелевший Уоллер оттолкнул его и принялся губкой промокать мне лицо, тяжело дыша и взволнованно хмыкая.

– Вы отлично держитесь на ринге, – сказал он. – Следите за его правой. Он все еще может нанести удар.

Я бросил взгляд в противоположную сторону ринга. Секунданты Кида трудились над ним как сумасшедшие – хлопали полотенцами, подносили к носу нюхательную соль и массировали заднюю часть шеи.

– Похоже, это все, – проговорил я. – На подходе последний раунд.

– Похоже, – ответил Уоллер. – В любом случае для него

это был настоящий бой. Вы никого не обманули.

Я взглянул на нее через плечо. Снова улыбаясь, она махнула мне рукой.

Прозвучал гонг, и я вышел на ринг. Кид сразу начал отступать. У него был разбит нос, под правым глазом виднелась ссадина, а на ребрах – большие красные отметины, следы моих ударов.

Я загнал его в угол и нанес удар прямо по его поврежденному носу. Тут же из него хлынула кровь, словно сок из раздавленного гнилого помидора. Толпа хрипло взвыла, когда он обмяк и вошел в клинч. Я был вынужден подхватить его, иначе бы он упал. Пришлось потрудиться, чтобы все выглядело как надо, пока он не придет в себя.

– Ладно, плейбой, – сказал я ему на ухо. – Нанеси свой лучший удар.

Я вышел из клинча и отступил назад. Он сделал выпад левой, который не помял бы и рисовый пудинг. Я нырнул под него и широко раскрылся. Каким-то образом ему удалось накопить достаточно сил, чтобы нанести апперкот. Я упал на колени. Удар был слабый и не имел особых последствий, но если я собирался лечь в нокауте, надо было подготовить зрителей к такому исходу.

Бьюсь об заклад, крик, который подняла толпа, можно было услышать даже в Майами.

Судья встал надо мной и начал считать. Я посмотрел на Кида. Облегчение, написанное на его лице, выглядело ко-

мично. Еле держась на ногах, он прислонился к канатам, из свежих ссадин сочилась кровь.

Я потряс головой, будто все еще сказывались результаты удара, и на счете «шесть» поднялся. Уверенный, что я не встану, Кид выглядел удивленным. Вместо того чтобы войти в клинч, он начал пятиться, и из зрительного зала в его адрес полетели насмешки. Секунданты кричали ему, чтобы он шел в наступление и прикончил меня. Вид у него был жалкий, когда он словно против своей воли двинулся ко мне. Я прикинулся, что пошатнулся, а затем отвел его выпад левой и нанес еще один удар по его изуродованному лицу. По крайней мере, он честно заработает свою победу. Задышавшись от боли и ярости, Кид бросился на меня и, когда я несколько расслабился, ударил боковым в челюсть. Я упал.

Я шел прямо на удар, и я его словил.

Первые три секунды я провел в отключке, а потом открыл глаза и обнаружил, что лежу у края ринга лицом вниз и смотрю прямо на нее. Она стояла с сияющими глазами и, когда наши взгляды встретились, яростно закричала:

– Вставай и сражайся! Ну же, трус!

Она была так близко, что могла дотронуться до меня. Полстадиона вскочило на ноги. Все вокруг что-то орали мне, но я слышал только ее голос.

– Вставай, Джонни! – крикнула она мне. – Ты не можешь сдаться сейчас!

От гнева, презрения и разочарования на ее лице меня

словно ударило электрическим током. Это было все, что мне требовалось. Потом до меня донесся голос рефери: «Семь... восемь...»

Каким-то образом мне удалось подняться. И когда Кид бросился вперед, всего на долю секунды опередив взмах его руки, я обхватил его плечи и повис на нем, вцепившись мертвой хваткой. Соперник тщетно пытался освободиться, и я чувствовал его отчаяние. Он понял, что я собираюсь кинуть Петелли, а он проиграет бой, если не справится со мной, прежде чем я оправлюсь от его предыдущего удара.

Я висел на Киде, несмотря на все его старания меня стряхнуть и попытки рефери разнять нас. Мне требовалось всего четыре или пять секунд, чтобы в голове прояснилось, и когда понял, что снова готов драться, я вышел из клинча и сделал выпад левой прямо в израненное лицо Кида прежде, чем он успел нанести завершающий схватку удар.

Тяжело дыша и обезумев от боли, он пошел на меня, но я, увернувшись, отступил, а сопернику осталось только беспомощно молотить перчатками по воздуху. Теперь он напоминал разъяренного дикого слона. Он продолжал бросаться на меня, я уклонялся от его ударов и отступал, пока не почувствовал, что готов покончить с ним. Когда он приблизился, чтобы войти в клинч в четвертый раз, я остановился и нанес ему классический хук. Прямо в челюсть. Весь в крови, Кид рухнул на пол, перевернулся и затих.

Можно было и не считать, но рефери сделал все как по-

ложено. На счет «десять» Кид по-прежнему лежал на спине, неподвижный, словно мертвец. Побледневший и перепуганный, рефери подошел ко мне и поднял мою перчатку с таким видом, словно та была начинена динамитом:

– Победил Фаррар!

Я посмотрел на нее. Она стояла покрасневшая и возбужденная и посылала мне воздушные поцелуи. Потом на ринг хлынула толпа журналистов и фотографов, и я потерял ее из виду.

Из толпы вышел Петелли. Он улыбался, но его взгляд оставался злым и напряженным.

– Ладно, Фаррар, – произнес он. – Ты знаешь, что тебя ждет.

Он отвернулся, чтобы поговорить с антрепренером Кида; ко мне подошел Уоллер и набросил мне на плечи халат. Его лицо было серым, глаза бегали.

Когда я покинул ринг, то увидел Пеппи. С ухмылкой на лице он ожидал меня в дальнем конце пандуса.

Я чувствовал себя в безопасности, пока в раздевалке было полно болельщиков и журналистов, которые пришли поздравить меня с победой и сказать, какой я хороший боец. Но когда их волна схлынула, я понял, что неприятности не заставят себя долго ждать.

Уоллер вернулся в раздевалку вместе со мной. Ему было страшно, и, закончив массаж, он начал нервно и с какой-то тоской поглядывать на дверь. Том Рош тоже пришел, но я быстро его выпроводил. Мне не хотелось, чтобы он попал из-за меня в беду.

Теперь в раздевалке оставались только пара журналистов и трое болельщиков, споривших в углу о том, кто из тяжеловесов прежних времен обладал самым сильным ударом, и они не обращали на меня никакого внимания.

– Ладно, Генри, – сказал я, завязывая галстук, – не жди меня. Спасибо за все, что ты сделал.

– Всегда готов помочь вам, чем смогу, – ответил Уоллер. – Пора вам выбираться отсюда, и побыстрее. Не дайте им схватить вас. – Тыльной стороной ладони он вытер потное лицо. – Не стоило так делать.

– Не стоило как делать?

Когда я повернулся, у меня по спине побежали мурашки. Передо мной стояла она в своем яблочно-зеленом костюме.

Ее огромные темные глаза в упор смотрели на меня, между пальцами в белых перчатках была зажата сигарета.

– Джонни, так что тебе не следовало делать?

Уоллер отошел в сторону и выскользнул из комнаты, оставив меня таращиться на нее. Наверное, я напоминал парализованного, да при этом еще и глухонемого. Спорщики в углу замолчали и с интересом ее разглядывали.

Один из журналистов сказал:

– Пойдем, ребята. Это как раз тот случай, когда боксеру надо остаться одному, без друзей.

Все рассмеялись, как будто услышали лучшую шутку в мире, и вышли. Небольшая раздевалка внезапно показалась мне огромной.

– Привет, – сказал я и потянулся за пиджаком. – Вы что-нибудь выиграли?

Она улыбнулась. Ее мелкие ровные зубы казались особенно белыми на фоне алых губ.

– Тысячу, но, когда вы упали, со мной чуть не случился сердечный приступ. Я поставила четыре сотни и думала, что потеряла их.

– Простите, – ответил я. – Но у самого ринга сидела одна девушка, и я мог думать только о ней. Она отвлекала меня от боя.

– Вот как! – Она посмотрела на меня из-под густых ресниц. – И как же ей это удавалось?

– Она оказалась самой красивой женщиной, какую я ко-

гда-либо видел.

– Так надо сказать ей об этом. Девушкам нравится, когда им говорят такое.

– Именно это я и делаю сейчас.

– Ясно. – Она продолжала улыбаться, но ее взгляд стал жестким. – Приятно слышать, но я вам не верю. Вы обманете меня, как сделали это на ринге.

Я почувствовал, что краснею.

– Что вы знаете о таких вещах?

– Все было очевидным. Забавный толстяк что-то шепчет вам на ухо, и после этого вы вдруг ни с того ни с сего открываетесь. Я хожу на все бои. Такое порой случается. Что заставило вас изменить решение?

– Та девушка, – объяснил я. – И еще я подумал обо всех простофилях, которые на меня поставили.

– Похоже, эта девушка вам небезразлична, – заметила она, изучающе разглядывая меня. – Знаешь, а ты красавчик, Джонни.

Я прислонился к стене, понимая, что теряю драгоценное время. Мне не следовало болтать с этой девушкой. Нужно было выбираться отсюда, пока еще толпа не разошлась. Это был мой единственный шанс ускользнуть от Пеппи и Бенно. Но сейчас даже сам Петелли не заставил бы меня уйти из этой раздевалки.

– Кто вы? – спросил я. – И зачем пришли сюда?

Лицо собеседницы стало серьезным, но от ее взгляда у ме-

ня по спине по-прежнему ползали мурашки.

– Не важно, кто я. Зови меня Делла, – ответила она. – А пришла я сюда потому, что у тебя, судя по всему, неприятности, и, думается мне, в этом есть доля моей вины. У тебя ведь неприятности, верно?

– Да, но вряд ли вы сможете мне чем-то помочь.

– И насколько все серьезно?

– Двое итальяшек висят у меня на хвосте. Если догонят, то мне, похоже, конец.

– Ты кинул Петелли?

Этот вопрос привел меня в замешательство.

– Вы его знаете?

– Этого бандита? Я знаю, кто он, но не хотела бы свести с ним знакомство, даже если бы он был последним на земле мужчиной. Однако мы теряем время. Я вытащу тебя отсюда. – Она выглянула в окно. – До парковки можно добраться, спустившись по этой трубе.

Я подошел к окну. Внизу оставалось не так много машин.

– Вон мой автомобиль: первый справа во втором ряду. Если доберешься до него незаметно, ты спасен.

– Я не могу поставить тебя под удар, – сказал я, глядя на «бентли» с низкой посадкой, на который она указала. – Эти макаронники очень опасны.

– Не глупи. Они ни о чем не догадаются.

– Будем благоразумны...

– Не спорь! Сейчас я иду к машине. Запри за мной дверь.

Как только увидишь меня внизу, спускайся. Я к тебе подъеду. Залезай на переднее сиденье и в остальном положишься на меня.

Снова бросив взгляд на «бентли», я заметил рядом с ним импозантного субъекта в полосатом костюме. Он стоял у машины, поглядывая по сторонам.

– Твоему другу это не понравится, – заметил я. – Он уже ждет тебя.

Она издала короткий смешок, который заставил меня пристально посмотреть на нее.

– Он не друг, он мой муж, – объявила она и быстро направилась к двери. – Я буду через пять минут. Никого не впускай.

И она ушла прежде, чем я смог ее остановить.

Я подошел к двери и запер ее на задвижку. Теперь, когда я остался один, комната показалась мне ужасно пустой. Я вернулся к окну. Ее муж ходил взад-вперед возле машины. Затем он достал портсигар и закурил. По резкому движению руки, когда он бросил спичку на землю, я понял, что он раздражен.

Сзади раздался еле слышный звук, заставивший меня быстро повернуться к двери. Я увидел, как ручка начала поворачиваться. Кто-то с другой стороны двери мягко нажимал на нее. Задвижка не дала двери открыться, и ручка медленно вернулась в исходное положение.

Теперь я знал, что меня поджидают. Они решили наве-

стит меня сейчас, когда стадион почти опустел. Через громкоговорители лилась танцевальная музыка, которая вполне могла бы заглушить звук выстрела.

Я на цыпочках подошел к двери и осмотрел задвижку. Она была не слишком надежной. С той стороны слышался чей-то шепот. Я не мог разобрать слова, но от самого этого звука у меня на затылке зашевелились волосы.

Я взялся за массажный стол и придвинул его к двери. Мысли вихрем проносились у меня в голове. Я был немного напуган, но старался не паниковать. Мои преследователи знали стадион гораздо лучше, чем я. Также они могли знать, что спуститься на землю из моего окна не так уж и трудно. Не сумев войти через дверь, они тут же догадаются, что я попытаюсь сбежать через окно, и Пеппи, готовый меня пристрелить, будет поджидать внизу.

Ему потребуется всего три-четыре минуты, чтобы сбежать вниз по бетонным ступенькам, добраться до боковой двери и оказаться на парковке. Вероятно, он уже направляется туда. Надо было немедленно сматываться.

Когда я перемахнул через подоконник, кто-то ударил в дверь плечом. Стол крепко держал ее. Я не стал оглядываться и через мгновение был на карнизе.

Торопясь поскорей добраться до водосточной трубы, я оступился, и моя нога провалилась в пустоту. Ухватившись за неровности бетонной стены, я крепко вцепился в нее. Это был довольно неприятный момент. Если бы мои пальцы ока-

зались послабее, я бы сорвался. Так или иначе, мне удалось восстановить равновесие. Я медленно поднял ногу и снова нашел опору. С замиранием сердца я двинулся дальше, к водосточной трубе, и потом начал спуск. В десяти футах от земли я отпустил руки и прыгнул.

Послышался звук мотора. И тут же к нему присоединился быстрый топот. На мгновение мне захотелось броситься к «бентли», но я поборол искушение, решив, что безопаснее оставаться в тени стены, чем выходить на ярко освещенную парковку.

«Бентли», не включая фар, направился ко мне. На некотором расстоянии от него, слева, я заметил Пеппи. Он стоял неподвижно примерно в сотне ярдов от меня и глядел на окно раздевалки, будто ожидая моего появления. Похоже, он не знал, что я уже внизу. Потом по громкому треску стало понятно, что дверь раздевалки выбили.

Поравнявшись со мной, «бентли» притормозил, и дверь машины распахнулась.

– Залезай! – крикнула Делла, не останавливая машину.

Я запрыгнул в салон и оказался рядом с Деллой. Она нажала педаль газа. Когда мне удалось закрыть дверь, машина уже мчалась по широкой подъездной дороге.

Потом девушка включила фары и спросила:

– Тебя заметили?

– Не уверен.

Я развернулся и посмотрел через заднее стекло. Отчасти

его загораживала курчавая голова смуглого мужчины, которого она назвала своим мужем. Никаких огней не было видно, нас никто не преследовал.

– Вроде обошлось. Во всяком случае, на хвосте никого.

– Делла, ты спятила! Как ты могла втянуть нас в эту историю! – разразился упреками мужчина на заднем сиденье. – Останови машину и выпусти этого парня!

Та рассмеялась:

– Пол, лучше помолчи! Не могла же я позволить им пристрелить его, после того как он заработал мне тысячу долларов.

– Ну какая же ты идиотка! От тебя всегда одни неприятности.

Она опять рассмеялась:

– Я наслаждаюсь каждой минутой нашего приключения.

Мужчина возмущенно хмыкнул и откинулся на спинку сиденья:

– Ладно, давайте выбираться отсюда. Как только мы отъедем от стадиона, останови машину и выпусти его.

– Не обращай на него внимания, – сказала она мне. – Мы едем в Линкольн-Бич. Хочешь с нами?

– Да, – ответил я.

Мы приближались к главным воротам стадиона, и мне вдруг пришло в голову, что Петелли мог поручить охранникам найти меня. Я сказал об этом Делле.

– Пригнись. Возможно, ты прав.

Впереди нас было несколько машин, медленно двигавшихся через большие ворота, и Делле пришлось притормозить.

– Впереди два охранника, они заглядывают в окна ко всем выезжающим, – шепнула она мне. – Я собираюсь остановиться и пропустить другие автомобили.

– Сзади к нам приближается какая-то машина, – произнес Пол хриплым голосом.

– Вам лучше меня высадить, – предложил я, но Делла положила руку мне на плечо и, слегка толкнув, дала понять, чтобы я еще больше пригнулся.

– Сиди тихо!

Она повернулась и посмотрела через заднее стекло. Оттуда, где я расположился, открывался прекрасный вид на ее стройную ногу и маленькую ступню в белой туфельке из оленьей кожи. Через заднее стекло в салон проникал свет фар, из чего я сделал вывод, что тот автомобиль подъехал к нам совсем близко. Делла сбросила скорость, и тут же раздался звук клаксона.

– Лучше не останавливаться, – посоветовал Пол. – Держись центра дороги, не давай им проехать, но продолжай двигаться.

– Перед нами почти никого нет, – проговорила Делла. – Мы приближаемся к воротам.

Я поднял взгляд. Через окно я увидел человека в фуражке, и он смотрел прямо на меня.

– Эй, ты! Одну минутку... – взволнованно произнес он, открывая дверь.

Потянув за ручку, я тут же ее захлопнул, а Делла нажала на педаль газа. «Бентли» рванул вперед, и охранник что-то закричал вслед. Я перебрался обратно на сиденье. Проезд впереди нам перегородивала какая-то машина. Делла резко крутанула руль, и мы выехали на поросшую травой обочину всего в дюйме от крыла мешавшего нам автомобиля, а затем пулей вылетели на шоссе.

– А вот теперь... – прошептала Делла, увеличивая скорость.

– Они у нас на хвосте! – в бешенстве закричал Пол. – Черт побери! Я же говорил тебе не шутить с этим!

Вместо ответа Делла вдавила педаль газа в пол. Стрелка спидометра поползла к отметке девяносто миль в час. Затем, дрогнув, к девяноста двум... Потом к девяноста трем и остановилась на девяноста четырех.

Свет фар преследующего нас автомобиля ослаб.

– Мы их сделали! – воскликнула Делла, не отрывая взгляда от световой дорожки перед «бентли». – Теперь им нас не догнать.

– Осторожно, или мы вылетим в кювет! – перебил ее Пол, подавшись вперед, чтобы удобнее было смотреть через лобовое стекло. – Впереди поворот. Притормози-ка.

– Хватит меня дергать! – услышал он в ответ. – Я знаю эту дорогу не хуже тебя!

Я оглянулся. Преследующий нас автомобиль был не так уж и далеко, в каких-то двухстах ярдах. Когда дорога, обрамленная зарослями низкорослых пальм, начала петлять, Делле пришлось сбросить скорость, и большой «кадиллак» позади нас стал медленно приближаться.

Наша машина летела по самой середине шоссе. Спидометр показывал семьдесят шесть миль в час: мы ехали чересчур быстро для такой дороги.

– Машина! – воскликнул я, заметив впереди далекий свет фар.

Делла выключила дальний свет и отпустила педаль газа.

Приближающаяся машина появилась, как летучая мышь, вылетевшая из ада. Затем я услышал громкий визг шин позади нас и, оглянувшись, увидел, что «кадиллак» останавливается. Чувствуя, как «бентли» уходит вправо, я повернулся. Встречный автомобиль с оглушительным ревом неся прямо по середине дороги. Ослепляющий свет его фар бил в глаза.

Делла забрала еще больше вправо, но водитель приближающейся машины, похоже, не видел нас. Пол что-то закричал. Удар пришелся сбоку по касательной. Делла вскрикнула. Понеслось скрежет. Машина, которая с нами столкнулась, пересекла дорогу и въехала в заросли пальм. Почувствовав, что «бентли» переворачивается, я схватился за приборную панель. Лобовое стекло внезапно покрылось паутиной мелких трещин. Раздался треск ломающихся деревьев, за которым последовал сильнейший удар, и перед моими глазами взо-

рвался сноп обжигающего белого света. На фоне скрежета я снова услышал крики Деллы, затем свет погас, и на меня опустилась тьма.

Часть вторая. Завеса тумана

1

По запаху йодоформа и эфира я понял, что нахожусь в больнице. С огромным усилием я открыл глаза: казалось, веки весили целую тонну. Надо мной стоял высокий худой парень в белом халате, рядом с ним и чуть сзади – полная медсестра. На ее усталом лице застыло скучающее выражение.

– Как вы себя чувствуете? – спросил парень, наклонившись ко мне. – Вам лучше?

Он выглядел таким встревоженным, что у меня не хватило духу сказать ему, как мне адски плохо. Я изобразил вымученное подобие улыбки и закрыл глаза.

Под опущенными веками замелькали огоньки. Потом я почувствовал, что уплываю в туманную мглу, и не стал этому сопротивляться. «К чему суетиться? – думал я. – Умереть можно только один раз».

Тьма наползала на меня. Время остановилось. Я соскользнул с края мира в туман и тишину.

Мне показалось, я пробыл в этом тумане очень долго, но через какое-то время я начал осознавать, что лежу на кровати, накрытый простыней. Вокруг кровати стояли белые ширмы, и это меня обеспокоило. Я вспомнил, что обычно шир-

мами отгораживают кровать того пациента, который уже не жилец на этом свете.

Также я обнаружил, что рядом со мной сидит коренастый мужчина с зубочисткой в зубах. Его шляпа была сдвинута на затылок, на мясистом небритом лице – выражение усталости и скуки. Сразу было понятно, что это коп.

Когда он заметил, что я открыл глаза, он придвинул стул ближе, чтобы лучше видеть меня.

– Вот уж повезло так повезло, – произнес он. – Я уже совсем собирался списать вас со счетов, а вы и очухались.

Из-за ширмы появилась медсестра, но не прежняя, толстая, а другая, светловолосая и хорошенькая.

– Привет. – Мой голос прозвучал словно издалека.

– Вам нельзя говорить, – строго произнесла она. – Лежите спокойно и постарайтесь уснуть.

– Уснуть! Черта с два! – возразил полицейский. – Пусть говорит. Не вмешивайтесь, сестра. Хочешь поговорить, дружище?

– Привет, коп, – сказал я и закрыл глаза. Когда я открыл их снова, надо мной стоял тощий парень в белом халате.

– Как мои дела, док? – поинтересовался я.

– У вас все хорошо, – сказал он мне. – Вы просто чудо.

Я поморгал, чтобы видеть его более отчетливо.

– Что со мной? – Я попытался приподнять голову, но она оказалась слишком тяжелой.

– Вы попали в аварию. Не волнуйтесь. Сейчас вы уже иде-

те на поправку.

Из-за его спины появился коп.

– Могу я с ним поговорить? – В его голосе звучало раздражение. – Всего один или два вопроса. Это не причинит ему вреда.

– Только недолго, – предупредил доктор. – У него тяжелое сотрясение мозга.

Он отошел в сторону, и коп занял его место. У него была записная книжка, и в толстых пальцах он держал огрызок тупого карандаша.

– Как тебя зовут, парень? – спросил он. – И ни о чем не беспокойся. Мы просто хотим кое-что прояснить.

– Джон Фаррар, – ответил я.

– Адрес?

– У меня его нет.

– Но ты же где-то ночевал?

– Я путешествовал автостопом.

Он надул толстые щеки и посмотрел на потолок так, будто молился.

– Ну ладно, путешествовал автостопом. У тебя есть отец, мать, жена или кто-то еще?

– Нет.

Он повернулся и посмотрел на доктора:

– Ну, теперь вы верите, что меня всегда преследуют неудачи? Из всех парней, которые побывали в аварии, мне обязательно попадется круглый сирота.

– Закругляйтесь, – сказал доктор, проверяя мой пульс. – Он еще не в состоянии разговаривать.

– Погодите-ка, погодите-ка... – возразил коп, облизывая чернильный карандаш. – Я должен с этим разобраться. – Он снова повернулся ко мне. – Хорошо, приятель. Значит, никто не станет тебя искать. Но как насчет дамы, которая была с тобой? Кто она?

В моем сознании всплыл образ женщины с черными как смоль волосами, пылким взглядом и потрясающими формами.

– Я не знаю. «Если хотите как-то обращаться ко мне, зовите меня Делла». Так она мне сказала. Фамилии не сообщила. Коп застонал.

– Как она? – спросил я. – Сильно пострадала?

– С ней все в порядке, – вмешался доктор. – Не волнуйтесь о ней.

– А ее муж?

– Какой муж? – Коп удивленно уставился на меня.

– Мужчина на заднем сиденье. Она сказала, его зовут Пол. С ним все в порядке?

– О нем тоже не надо волноваться, – успокоил меня доктор.

Коп провел рукой по лицу и потряс головой. Похоже, именно он как раз и волновался.

– Как все произошло? Можете объяснить? – В его голосе звучала безнадежность.

Я не стал упоминать Петелли. На это ушло бы слишком много времени. Мне хотелось закрыть глаза и забыть об автомобильной катастрофе.

– Другая машина ехала навстречу нам, – сказал я. – Она неслась очень быстро. Водитель, похоже, нас не видел. Делла пыталась свернуть в сторону, но это не помогло. Что с ним?

Коп сделал глубокий вдох.

– На этот раз скажу я, – проговорил он с нескрываемым сарказмом. – Тебе не надо волноваться о нем. Слушай, приятель, давай-ка вернемся к самому началу и проработаем твои показания. Если ты путешествовал автостопом, то как оказался за рулем того «бьюика»?

Настал мой черед уставиться на него в изумлении.

– Это был «бентли», и машину вела она. Я сидел рядом с ней, а ее муж, Пол, сидел сзади.

– Опять эта сказка про белого бычка! – воскликнул коп. Он снял шляпу и рукой вытер лоб. Затем снова надел шляпу и энергично сдвинул ее на затылок. – Ты был за рулем! Она была на заднем сиденье! И не было никакого мужа. – Он наклонился вперед, ткнул в меня пальцем и проорал во всю глотку: – А эта проклятая машина была «бьюиком»!

Я начал волноваться.

– Вы ошибаетесь! – возразил я, хватаясь за простыню. – Говорю вам, она была за рулем! Автомобиль – черный «бентли-купе». Мы столкнулись с другой машиной. Спросите водителя. Он все расскажет.

Коп помахал блокнотом у меня перед носом:

– Не было никакой другой машины! О чем ты? Что ты скрываешь?

– Хватит! – вмешался доктор. – Пациент не в том состоянии, чтобы вы на него кричали. Оставьте его в покое, сержант.

– Да зачем мне что-то скрывать! – воскликнул я, пытаюсь сесть на кровати, что меня и добило. В моей голове вспыхнул фейерверк искр, и я провалился в темноту.

Когда я снова открыл глаза, в комнате было светло. Ширму в изножье кровати убрали, но по бокам оставили. Напротив я увидел еще одну кровать. По долетавшим до меня звукам стало понятно, что я в больничной палате.

Давешнего копа поблизости нигде не было. Я спокойно лежал, чувствуя, что мне намного лучше: голова не болела, хотя все еще гудела, и, когда я двигал руками, мне не требовалось особых усилий.

Потом мысли мои вернулись к тому, что сказал коп, и меня охватило волнение. Ни другой машины, ни мужа, в аварию попал «бьюик», а не «бентли», и я был за рулем. Что все это значит?

Может, этот коп мне приснился? Может, он был частью мглы, тумана и темноты? Другого объяснения я не находил, если только он не перепутал меня с кем-то другим.

Затем из-за ширмы появился доктор и ободряюще улыбнулся мне:

– Вижу, вам уже лучше.

– Так и есть, – подтвердил я. – Сколько времени я тут провёл?

Он взглянул на табличку в изножье кровати:

– Вы поступили в приемный покой шестого сентября в одиннадцать тридцать вечера. Сегодня двенадцатое сентября. Значит, вы здесь уже шесть дней.

– Сентябрь?

– Именно.

– Вы хотели сказать «июля»? Какой же сейчас сентябрь? Та машина врезалась в нас двадцать девятого июля, вечером после моего боя с Майами-Кидом.

– Я ничего об этом не знаю. Вы поступили шестого сентября.

– Здесь что-то не так. Я не мог оставаться без сознания больше месяца до того, как меня нашли.

Доктор улыбнулся:

– Конечно нет. Да вас и нашли-то почти сразу. Полицейский, следящий за скоростью движения, услышал, как столкнулись машины, хотя и не видел, как произошла авария. Он был на месте происшествия буквально через пять минут. Через час вас привезли сюда.

Я облизнул губы. Во рту у меня внезапно пересохло.

– Док, вы пошутили насчет даты?

Доктор покачал головой.

– Какие уж тут шутки, – возразил он, присаживаясь на

край кровати. – Вам нельзя сейчас волноваться. Все образуется. У вас типичные признаки сотрясения мозга. Вы получили серьезную травму головы. Вам повезло, что вы вообще выжили. В течение некоторого времени у вас могут быть проблемы с памятью. Даты, подробности, связанные с тем, кто был в машине, а кто нет, даже ваше прошлое – все может исказиться, но через некоторое время придет в норму. Сейчас вы думаете, что авария произошла двадцать девятого июля, и не верите, что она случилась шестого сентября. Но примерно через неделю ваша память вернется в норму. И вот еще... Не позволяйте полицейским давить на вас. Я объяснил им ваше состояние, и они все понимают. Они просто хотят, чтобы вы им помогли по возможности... Но главное для вас – это не волноваться и отдыхать.

Он был хорошим парнем, делал для меня все возможное, и я был ему благодарен, но все равно не мог не волноваться. Я знал, что бой с Кидом проходил 29 июля и авария случилась в тот же вечер. Что бы доктор ни говорил, его слова не могли изменить этого факта.

– Док, я не хочу спорить, – сказал я, – но сделайте мне одолжение, хорошо?

– Конечно. Чего вы хотите?

– Делла... девушка, с которой я был. Она ведь тоже здесь, да? Спросите ее. Она скажет вам, что авария случилась двадцать девятого июля. Спросите ее мужа. Он скажет вам то же самое.

Жизнерадостная улыбка, какой доктора обычно улыбаются больному, слегка померкла.

– Вот в этом-то и загвоздка, – проговорил он. – Вся эта история с мужем. Вам, думаю, следует знать: в машине были найдены только вы и та женщина. Никакого мужа.

Мое сердце заколотилось.

– Ладно, пусть мужа не было, – произнес я, пытаюсь унять дрожь в голосе. – Тогда спросите ее. Она вам все расскажет. Вы же не хотите сказать, что и ее там тоже не было? Идите и спросите ее!

Доктор провел рукой по своим гладким темным волосам. Лицо его помрачнело.

– Пару дней назад вы были слишком слабы, чтобы принять эту новость, – тихо проговорил он. – Но теперь я могу сказать все как есть. Девушка сломала позвоночник. Она была мертва, когда вас нашли.

Днем ко мне явился лейтенант полиции Билл Рискин. Если бы медсестра не сказала, что он лейтенант полиции, я бы не поверил. Это был маленький человечек лет пятидесяти, с грустным морщинистым лицом и светлыми глазками, которые он обратил на меня сквозь очки в роговой оправе. Он вошел на цыпочках, держа шляпу в руке, а когда заговорил, его голос оказался мягким и ласковым. К этому времени мои нервы были на взводе. Я был готов взвиться от каждого пустяка. Может, поэтому ко мне и прислали Рискина. Если бы ко мне пришел давешний толстый сержант, у меня сорвало бы крышу.

Он придвинул стул к моей кровати и сел, скрестив короткие ноги. Я видел, как из его ботинок торчат белые носки, обтягивая тонкие как спички лодыжки.

– Ну, парень, как голова? – спросил он.

Я ответил, что голова в порядке. Ухватившись за простыню, я обливался потом, подозревая, что меня собираются объявить сумасшедшим.

– Док сказал, что ты расстроен, – продолжил он. – Но тебе нечего сокрушаться. Ты не первый парень с трещиной в голове, который перепутал одно с другим. Тебе надо успокоиться, а мы займемся твоими проблемами. Единственное, что мы хотим сделать, – это все исправить. Девушка умерла.

Если кто-то задел твою машину и не остановился, это значит, что мы имеем дело с дорожным происшествием, виновник которого скрылся. Наше дело найти того парня и наказать, чтобы он не сделал этого снова. Мы найдем его быстрее, если ты нам поможешь. Ты ведь хочешь, чтобы мы его нашли?

Это звучало достаточно разумно, но меня было не обмануть. Перед тем как отключился, я сам видел, что встречная машина перевернулась и врезалась в дерево. Если полицейские нашли меня через пять минут после аварии, как сказал доктор, они должны были найти и того парня.

Однако я сделал вид, что верю Рискину, и сказал, что хочу, чтобы они его нашли. Рискин кивнул.

– Это верно, что вы путешествовали автостопом?

– Да.

– И девушка позволила тебе вести машину?

Я ничего не ответил. Я не мог понять, почему полицейские так хотели, чтобы я признался, будто сам сидел за рулем. Может, они собирались повесить на меня смерть Деллы? Я снова начал волноваться.

Он повторил вопрос мягким голосом и даже обнадеживающе улыбнулся.

– Я не вел машину! – воскликнул я, повышая голос. – За рулем была девушка. Я сидел рядом с ней, а ее муж сидел сзади. Сколько еще раз я должен вам повторять, ребята?

Я ожидал, что полицейский начнет на меня кричать, но он не стал этого делать. Он снова кивнул и немного погрузнел:

– Прости, дружище. И не кипятись. Тебе нечего заводитьсь. Похоже, произошло недоразумение по поводу того, кто был за рулем.

– Конечно недоразумение, черт возьми! – подтвердил я. – Тот ваш сержант...

– Забудь о сержанте. Его учили кричать на людей. Это система. Я сам никогда подобного не одобрял, – произнес он и улыбнулся.

Я все еще относился к нему немного подозрительно, однако, несмотря на это, он начинал мне нравиться.

– Где она тебя подобрала, парень? – продолжил он. – Ты шел по какой-то дороге, она тебя обогнала и ты проголосовал, стоя на обочине? Так?

– Нет, вы все неправильно поняли. Послушайте, вы позволите мне рассказать, что произошло, с самого начала?

– Это именно то, зачем я пришел, – сказал он и достал блокнот. – Не возражаешь, если я сделаю несколько заметок? Я не так молод, как раньше, и память меня подводит, – проговорил он и подмигнул, желая показать, что шутит.

Я выложил ему все, рассказав о Питсбурге, о том, как хотел получить большие деньги, как добрался автостопом до Пелотты, как сломал челюсть Маккриди и обманул Петелли. Рассказал, как Делла предложила мне помощь, как Пеппи и Бенно нас преследовали и как в наш автомобиль врезалась встречная машина.

Рассказ отнял немало времени, и когда я закончил, то едва

мог говорить. Но я был так рад снять со своей души камень, что не обращал на это внимания.

Пока я говорил, Рискин не проронил ни слова. Он делал заметки, время от времени чесал ухо, но не перебивал.

– Это очень замысловатая история, – заметил он, убедившись, что мне больше нечего ему рассказать. – А теперь расслабься, дружище. Тебе не о чем беспокоиться. Может, тебе лучше вздремнуть. Ты выглядишь усталым, как и я. Меня часто мучает усталость, но шеф никогда не дает мне поспать. – Он встал. – Что ж, до свидания. Зайду через день или два. Если еще что-нибудь вспомнишь, дай мне знать.

– Больше вспоминать нечего, – сообщил я. – Это все.

– Вот и хорошо. Ну а теперь можешь вздремнуть. Пока!

И он тихонько вышел из палаты. До сих пор я не ждал от копов ничего хорошего, но этот маленький человечек был совсем другим. Я решил, что он лучший полицейский на свете.

Прошло два дня. Я чувствовал себя вполне сносно. У меня был определенный прогресс. И доктор был мною очень доволен.

– Продолжайте в том же духе, – советовал он мне, – и через пару дней будете на ногах. У вас телосложение слона и голова как гранит.

Я улыбнулся ему в ответ, но все было не так просто. Меня интересовало, что задумал Рискин и собирается ли он прийти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.